

РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
И ПРИЗЕРОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Государственное автономное учреждение
дополнительного профессионального образования
«БРЯНСКИЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ»

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПРИЗЕРОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА
СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ – 2026»
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ**

Брянск
2026

ББК 94.39

Р 13

Печатается по решению оргкомитета конкурса и редакционно-издательского совета ГАУ ДПО «Брянский институт повышения квалификации работников образования»

Р 13

Работы победителей и призеров всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности – 2026». Брянская область: сборник / Сост. Е. И. Макушкина. – Брянск : РИБЦ ГАУ ДПО «БИПКРО», 2026. – 46 с.

Представляет собой уникальное собрание творческих работ победителей и призеров одноименного регионального конкурса сочинений, посвящённого сохранению исторической памяти и осмыслению событий прошлого, прошедшего в 2026 году.

Станет ценным ресурсом для педагогов, родителей и всех интересующихся историей и культурой России, вдохновляя читателей на дальнейшее изучение и сохранение исторического наследия нашей страны

Редактирование авторское

ББК 94.39

© Данное издание охраняется законодательством
об авторских правах РФ

Перепечатка без согласия авторов и издательства запрещена

© Сост. Макушкина Е. И., 2026
© РИБЦ ГАУ ДПО «БИПКРО», 2026

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Сборник «Без срока давности» представляет собой уникальное собрание творческих работ победителей и призеров одноименного регионального конкурса сочинений, посвящённого сохранению исторической памяти и осмыслению событий прошлого.

Включает лучшие сочинения школьников и студентов средних профессиональных образовательных учреждений (СПО), разделенные на четыре возрастные категории:

- 5–7 классы — первые шаги юных авторов в осмыслении истории своей страны и своего народа.
- 8–9 классы — размышления подростков о значении исторических событий и личной ответственности каждого гражданина перед памятью предков.
- 10–11 классы — глубокие исследования ключевых моментов отечественной истории, осмысление роли личности в историческом процессе.
- учащиеся СПО — зрелые эссе и аналитические работы, раскрывающие важность сохранения исторической правды и преемственности поколений.

Авторы творческих работ делятся своими мыслями, чувствами и открытиями, исследуя темы Великой Отечественной войны, Холокоста, блокады Ленинграда, детства, опалённого войной, и значимости памяти о прошлом. Каждый текст наполнен искренностью, эмоциональной глубиной и стремлением сохранить память о тех событиях, которые не имеют срока давности.

Сборник станет ценным ресурсом для педагогов, родителей и всех интересующихся историей и культурой России, вдохновляя читателей на дальнейшее изучение и сохранение исторического наследия нашей страны.

Фикус. Валя. Война

Пчелина Кира Игоревна, учащаяся 6 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения - Средняя общеобразовательная школа № 9 имени Героя Российской Федерации А.Г. Карлова г. Клинцы Брянской области.

ПОБЕДИТЕЛЬ В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 5-7 КЛАССОВ»

учитель: *Глушак Алла Евгеньевна*

тематическое направление: «Уничтожение голодом и создание заведомо невыносимых условий существования»

жанр: *эссе*

Прозвенел звонок на урок литературы. В класс вошла Алла Евгеньевна. В руках у нее был горшок с цветком.

— Неожиданно, - подумала я.

— У кого-нибудь дома есть фикус? —спросила она.

Я подняла руку.

— А знаете ли вы, что фикус в блокадном Ленинграде был не украшением, а спасением.

Она открыла книгу:

— Это «Лист фикуса». Рассказы о войне. Валентины Семенцовой. Сегодня мы узнаем, как жили дети в блокадном Ленинграде и как один маленький лист помог выжить девочке Вале.

Учительница начала читать рассказ:

— Вы едите листья растений?

Я закрыла глаза - и вдруг очутилась в холодной комнате, с заколоченными окнами.

В воздухе — ощущение пустоты. На кровати сидит маленькая девочка Валя, ей всего четыре. Она одна, рядом --игрушки, единственное развлечение на целый день, а еды совсем нет. Не то чтобы нет, она ее съела, а чувство голода не отпускает.

В углу стоит кадка с большим фикусом большим, зеленым. А еще от него исходит приятный запах. Неожиданный контраст: худенькая, почти прозрачная девочка и зеленый фикус! Мне кажется, это не случайно. Фикус — это символ жизни, он как будто дает понять: все будет хорошо.

Вдруг с фикуса падает листочек, как будто цветок все понимает и сам приглашает героиню «подкрепиться». Валя поднимает лист и начинает есть.

У меня сжимается сердце. Я вспоминаю о страшном голоде в блокаду: люди ели все, что приходилось, лишь бы утолить голод. Я верю фикусу — он не навредит этой смелой девочке (листья фикуса есть опасно!). «Почти наелась», — говорит героиня. И от этих слов на душе становится тепло.

На следующий день она уже сама отрывает лист. Потом ещё один. И ещё. Дни тянутся. Листья исчезают. Наконец остаются только на верхушке — туда Валя дотянуться не может. Она смотрит на голые ветви грустными глазами и понимает, что больше нет этого странного, но спасительного «угощения». А фикус стоит растерянный, потому что больше ничем не может помочь девочке.

Мама не сразу обратила внимание на «голый фикус». А когда поняла, что произошло, так испугалась: «побежала к врачу в поликлинику». Но все обошлось. Безграничная материнская любовь восхищает. Ведь забота друг о друге помогает людям выжить.

«Вы, ребята, моему примеру не следуйте, ведь тогда была война, голод», — читает Алла Евгеньевна заключительные строки рассказа.

Я открываю глаза. Класс. Парта. На столе фикус. Алла Евгеньевна смотрит на нас — внимательно, будто ждёт, когда мы осознаем то, что только что услышали.

— Вот так, — тихо говорит она, — один маленький лист спас девочку от голода.

Я снова смотрю на фикус на учительском столе. Теперь я вижу не просто растение. Я вижу:

- руки мамы, которые несли Валу к врачу; слёзы облегчения, когда врач сказал «всё обошлось»;
- слёзы облегчения, когда врач сказал «всё обошлось»; силу маленькой девочки, которая боролась за жизнь; стойкость фикуса, который выжил в холоде и дал жизнь другому.

Мой фикус дома. Я думаю, он тоже знает о войне и помнит голод. Теперь, глядя на него, я буду вспоминать о Вале, о её маме, о тысячах ленинградцев, которые не сдались и выжили в окруженном фашистами блокадном Ленинграде. И когда я завтра буду поливать свой цветок, я скажу ему:

— Спасибо. За то, что ты есть. За то, что помнишь. За то, что рассказываешь.

Алла Евгеньевна закрывает книгу.

«— А теперь», — говорит она, — расскажите, что вы почувствовали. Что вам запомнилось больше всего. В классе тишина. Каждый из нас всё ещё там — в холодной комнате, у фикуса, рядом с Валей.

Книга Валентины Семенцовой «Лист фикуса» - это память о тех, кто выжил в Блокаду, память, которую нельзя потерять, память, у которой нет срока давности.

Дети войны

Ткачёв Андрей Александрович, учащийся 5 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения Средняя общеобразовательная школа № 4 города Сельцо Брянской области.

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 5-7 КЛАССОВ»

учитель: *Тереньтева Елена Николаевна*
тематическое направление: «Дети войны»
жанр: очерк

*Дети войны - и веет холодом,
Дети войны- и пахнет голодом,
Дети войны- и дыбом волосы:
На челках детских седые полосы!
Земля омыта слезами детскими,
Детьми советскими и не советскими!
Какая разница, где был под немцами:
В Дахау, Лидице или Освенциме?
Их кровь алеет на плацах маками,
Трава поникла, где дети плакали.
Дети войны—их боль отчаянна!
И сколько нужно минут молчания....*

Л.М. Голодяевская

На улице стояла ясная погода: ни облачка, ни ветерка. Баба Маша развешивала бельё возле дома. В свой день рождения она мечтала только об одном: чтобы поскорее закончилась война и не принесла никому из односельчан новых бед. Сколько же страданий выпало на долю каждого из них! Почти все мужчины ушли на фронт, оставив дома беспомощных стариков, женщин и детей.

С натянутой улыбкой Мария принимала поздравления от соседей, которые старались поддержать друг друга в эти суровые, трудные времена. И в глубине души она надеялась, что именно сегодня придет хоть какая-нибудь весточка от ее сыночка Ванечки, ушедшего на войну сразу, как о ней объявили. Его детей, Валю и Антошку, она взяла под свое крыло, пока их мать, Маруся, трудилась на заводе с утра до вечера.

Валя и Антошка беззаботно играли во дворе, не обращая внимания на ворчливые замечания бабушки. Солнце уже перевалило за полдень, и она позвала всех к обеденному столу.

— Баба Маша, а почему мы на завтрак, обед и ужин каждый день едим одну картошку? — спросила маленькая Валя.

— Внученька, чем богаты, тем и кормимся. Непокойное, голодное сейчас время: война ведь, — с грустью ответила бабушка.

Едва Валя собралась еще о чем-то спросить, как скрипнула калитка и все увидели, что возле хаты появился, хромая, раненый почтальон.

— Машка! Машка! Немцы! Прячьтесь! — хрипло прошептал он, корчась от боли и пытаясь перевязать платком простреленную ногу. — Тут они, тут! Уже близко... Прячьтесь... — не унимался он, но потерял все-таки сознание от бессилия.

Сердце Марии сжалось. Не успела она спрятать внучат в доме, как у калитки уже появились лающие овчарки, готовые разорвать любого, и разозленные погоней немцы. В одно мгновение прозвучала автоматная очередь. С ненавистью в глазах и жадой расправы над незащищенной женщиной и детьми фашисты ворвались в дом.

Оцепенение сковало бабу Машу, ужас застыл в ее глазах. Но, несмотря на страх, она самоотверженно закрыла собой двух маленьких внучат, которые испуганно прижались друг к другу.

Не случайно немцы вторглись в их ветхий домик на окраине деревни. Они искали детей. И, к сожалению, участь малышей была предрешена: немцам нужна была молодая кровь для переливания раненым солдатам.

— Не отдам! — бойко выкрикнула баба Маша, заслонив собой внучат. Но немец со всей силы ударил ее по голове прикладом. В глазах пожилой немощной женщины потемнело, ее обмякшее тело безвольно рухнуло на пол. Сквозь пелену она услышала лишь плач детей, которых немцы, безжалостно схватив, уносили из дома.

Придя в сознание, баба Маша бросилась к калитке и взвыла от ужаса матери, стонущие от безмерного горя и плачущие от своего бессилия, бежали за грузовыми машинами, насильно увозившими их кровинушек. Безрадостные мысли кружились в голове Марии: «Куда повезут? Что делать?.. Не уберегла...». Машины быстро исчезали за горизонтом, унося с собой призрачную надежду бабы Маши вновь увидеть своих внучат...

В концлагере стояла гробовая тишина. Вцепившись руками в решётку барака, сотни ни в чем невинных ребятишек отрешённо ждали своей участи.

Антошка услышал тихие всхлипы и оглянулся.

— Как тебя зовут? — прошептал он.

— Егорка, — ответил мальчик, пытаясь сдержать слёзы.

— Тише, Егорка, не плачь. Всё будет хорошо. Немцы возьмут немного крови и отпустят нас домой, — пытался успокоить товарища Антон, хотя сам не верил в свои слова. Его сердце сжималось от боли, страха и неизвестности.

Солнце медленно опускалось за горизонт. Казалось, лес горел, как никогда, необыкновенно багряным огнем. Напротив концлагеря стали собираться немцы, они непонятно кричали что-то на своем языке, размахивали

руками. Неистовый лай овчарок пугал. Вскоре фашисты на носилках стали переносить раненых из машин в палатки, бросая взгляды на маленьких пленных. И тут началось страшное: солдаты без разбора хватили малышей и привязывали их к столбам, чтобы переливать кровь. Их отчаянный плач эхом разносился по мрачному лесу, алой струёй сочилась кровь в специально подготовленные для безжалостной процедуры банки.

Антон кричал до хрипоты:

— Не хватайте сестричку мою, не хватайте, лучше меня живым у столба закопайте! Валю... Валюшу домой отпустите, а мою кровь за двоих, за двоих возьмите!..

Шприц пронзил сердце Антона, и мальчик упал. В глазах все смешалось и потемнело. Антон почувствовал, как жуткий и невыносимый холод стал разливаться по венам, как непомерная тяжесть поступала в грудь, как сознание медленно ускользало, унося с собой последнюю надежду на спасение и жизнь. В ушах звенело, а перед глазами мелькали до боли любимые лица самых родных ему людей: мамы, папы, сестрички, бабушки Маши, друзей из деревни, которых он уже никогда, к несчастью, не увидит.

Время тогда словно остановилось. Мертвая тишина вновь окутала лагерь, но теперь она была иная — полная горечи и безысходности...

(Основано на реальных событиях)

Список источников:

1. Безсрокадавности.рф — портал проекта «Без срока давности».
2. <https://archive-bryansk.ru/> — портал Государственного архива Брянской области.

Мелодия стойкости

Корнеев Василий Андреевич, учащийся 5 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Гимназия» г. Новозыбкова.

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 5-7 КЛАССОВ»

учитель: *Козлова Дарья Юрьевна*

тематическое направление: *«Трагедия и подвиг советского народа в произведениях искусства»*

жанр: *рассказ*

Саше было около семи лет, но он помнил довоенную жизнь так ярко, словно она была вчера. Он представлял солнечные дворы, звонкий смех друзей, их шумные игры в войну, где всегда побеждали они, отважные герои. Тогда война казалась забавной выдумкой, далекой и почти нереальной, как сказка. Но сказка обернулась кошмаром, когда пришла настоящая война, принеся в Ленинград блокаду. Она оказалась жестокой и беспощадной, вырвав из жизни все краски, оставив лишь холод, голод и утрату. Это была совсем другая реальность, где не было места ярким победам — лишь изнурительная борьба за выживание.

Родители Саши, как и тысячи других ленинградцев, встали на защиту родного города. Мама пошла служить медсестрой в госпиталь. Она возвращалась поздно вечером, истощенная и подавленная, но дома она ничего не рассказывала, стараясь сохранить остатки тепла и уюта довоенной жизни.

Саша с мамой с тревогой и нетерпением ждали каждой весточки от отца, которым они очень гордились. До войны папа был пианистом, но он, не колеблясь ни секунды, записался добровольцем и ушёл на фронт. Саша помнил, как прощаясь, отец стоял в коридоре, а мать, уткнувшись в его плечо, со слезами поправляла воротник, потому что военная форма казалась на нём слишком громоздкой и неуклюжей. Сын смотрел на эту сцену с детским пониманием гордости и тревоги, хотя и не до конца осознавал всю трагичность происходящего.

Он восхищался и гордился своими родителями, но любовь к музыке, когда-то связавшую их, Саша не разделял. Рояль, стоявший в их квартире, вызывал у мальчика раздражение. В ледяном холоде блокадного Ленинграда этот огромный, бесполезный предмет мог бы спасти их холода, превратившись в

топливо для печки. Но мать строго-настрого запрещала его трогать. Она даже укутала рояль в драгоценное одеяло, которое в те времена было невероятной роскошью, словно оберегая его, как живое существо.

Однажды произошло настоящее чудо и домой пришло не письмо, а вернулся сам отец. Живой! Невредимый! Но радость от встречи на миг даже отступила для сына, когда отец объявил, что его отозвали с фронта, и он будет играть в оркестре.

Сашка ничего не понимал. Какой концерт и какая музыка, когда вокруг смерть и отчаяние? Эти вопросы, словно острые осколки, ранили его детское сознание, не находя ответа в серой, голодной реальности блокадного Ленинграда. Каждый день приносил новые потери, новые страхи, и казалось, что мир сузился до размеров холодной, пустой комнаты, где до этого единственным звуком был свист ветра за заклеенными окнами.

Но ночью, в полумраке, когда даже тени казались живыми и зловещими, он слышал, как, возвращавшийся после долгих репетиций отец осторожно касался клавиш старого расстроенного рояля, стоявшего в углу комнаты. Из-под пальцев робко выплывали звуки, тихие и печальные, как плач. Это была не та музыка, которую Сашка знал из довоенной жизни — веселая, звонкая, полная жизни. Это была музыка боли, музыка утраты, музыка, которая, казалось, отражала всю скорбь города. Сашка слушал, затаив дыхание, пытаясь уловить смысл в этих новых для него звуках, но они лишь усиливали его непонимание.

Однажды отец вернулся особенно поздно, с воспаленными глазами и дрожащими руками. Его лицо было изможденным, но глаза горели новым, невероятным огнём. Прижимая к груди жену и сына, он прошептал: «Играл, для них играл, для всех играл, чтобы помнили, чтобы жили».

Сашка тогда не понял, кто эти «они», для которых играл отец и как музыка может помочь жить, когда каждый день — это борьба за выживание? Слова отца казались ему такими же непонятными, как и ночные мелодии рояля, как и непонятны были слезы матери на неожиданно посветлевшем лице. Он не мог объяснить это словами, но он вдруг почувствовал, как затеплился в их доме крохотный, но упрямый огонек надежды. А мама знала, что хрупкая и твёрдая одновременно мелодия, прозвеневшая в тот день в самом сердце блокадного Ленинграда, была не просто музыкой. Она была посланием!

Позже, когда Сашка подрос и начал всё понимать, он узнал о бессмертной симфонии Шостаковича. Он узнал, как весь город, измученный, голодный, но несломленный, слушал эту музыку, и как она, подобно чуду, оживляла людей, давала силы бороться, давала силы верить. Он понял, что музыка его отца была частью этой великой симфонии жизни, симфонии сопротивления.

Теперь Саша понимал: музыка — это не просто звуки. Это язык души, язык надежды, язык, который может преодолеть смерть и отчаяние. Это то, что помогает помнить тех, кто ушел, и дает силы жить тем, кто остался. И даже в самые мрачные времена, когда кажется, что все потеряно, мелодия, рожденная из боли и любви, может стать символом негибкости духа, стать тем огнём, который осветит путь к жизни!

Последний рассвет

Бойко Татьяна Александровна, учащаяся 8 класса муниципального общеобразовательного учреждения - средняя общеобразовательная школа села Писаревка Унечского района Брянской области.

ПОБЕДИТЕЛЬ В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 8-9 КЛАССОВ»

учитель: *Захарчук Алла Ивановна*

тематическое направление: *«Преступления против детства»*

жанр: *рассказ*

Милочка бежала по улице родного города. Яркое солнце освещало серые здания, золотые лучики играли в свежей зелени деревьев. В лужах отражалось высокое синее небо и купались растрёпанные воробьи. Ленинград в последние майские дни преображался: из строгого и величавого становился уютным и добрым. Кажется, и люди стали чаще улыбаться. Мила весело помахала рукой мальчишкам. Настроение было бодрым, ведь впереди каникулы! Мама обещала отправить дочку к родственникам, в большую и дружную семью Бажалкиных, и девочка с нетерпением ждала встречи с двоюродными сестрами и братом: «Будем ходить в лес за ягодами, купаться в речке, слушать интересные истории Марии, помогать дяде Бениамину». Радость переполняла Милочку, в мыслях она была уже в Унече.

Июнь 1941 года выдался тёплым и солнечным, дожди были редкими. У восьмилетней Милы появились подружки. Они вместе бегали в детскую библиотеку, играли с куклами, прыгали на скакалках. В конце июня Бажалкины собирались отведать родственников в Стародубе, но известие о войне нарушило все планы. Тётя Люба стала печь хлеб для фронта, взрослые дочери помогали ей во всём. Мила видела, как изменился город. Люди перестали улыбаться, дети уже не играли на улице, а её брат Соломон часто уходил на станцию. Через Унечу шли на фронт эшелоны с солдатами, а обратно — с ранеными бойцами. В июле немцы начали бомбить город, а в августе уже хозяйничали в нём.

Мила слушала рассказы Соломона и Марии о том, что происходит в городе, и плакала. Она понимала, что больше никогда не вернётся в Ленинград, не увидит маму, не встретится с одноклассниками. Однажды она шла с Цилей к родственникам и увидела в городском сквере виселицу, а возле неё людей с

автоматами. Циля крепко сжала руку испуганной сестрички и прошептала: «Это фашисты! Идем быстрее».

Зима выдалась трудной. Продуктов не хватало, в доме стало холодно, вестей из Ленинграда не было. Фашисты лютовали: сгоняли мирных жителей в лагерь, обнесённый колючей проволокой, расстреливали коммунистов и военнопленных. Соломон сообщил страшную новость: немцы создали на территории Унечи гетто. Милочка не поняла, что это такое, а семья Бажалкиных приготовилась к худшему. 29 декабря в дом ворвались полицаи и увели отца семейства — Бениамина. Вскоре раздался выстрел — отец Соломона был расстрелян в соседнем дворе. А ранним утром к дому подъехали подводы — семью увезли в гетто.

В старое двухэтажное здание были согнаны все евреи района. Милочка увидела в большой комнате своих родственников, семьи незнакомых людей. Это были старики, женщины, дети. Одна молодая женщина прижимала к груди маленького ребёнка — ему не было и года. Потянулись бесконечные, полные тягот, лишений и горя дни. Холод, голод, болезни, смерти... Старших выгоняли на работу, били, а полицаи часто ради забавы просто стреляли в людей. Если кто-то умирал, его не разрешали хоронить. Так и лежали рядом мёртвые и живые. Милочка всегда была худенькой, а теперь выглядела совсем измождённой. Она даже не плакала, а просто стонала. Сил уже не было. Казалось, что холодное здание забирает последнее тепло из детского хрупкого тела. Соломон пытался успокоить сестричку, прижимал к себе, чтобы согреть, но и это уже не помогало.

Как-то мартовским вечером к зданию гетто подъехали две подводы: в одной были цыгане, в другой — вооружённые каратели. Соломон увидел их в окно и тихо сказал матери: «Это конец». Милочка услышала слова брата и будто онемела от страха, а потом опять застонала. Она вдруг, как в тумане, увидела знакомые улицы Ленинграда, улыбающуюся маму в нарядном платье, рисунки

в своей комнате и любимую кошку Муську. Девочка улыбнулась и закрыла глаза.

Ранним морозным утром — ещё было совсем темно — евреев и цыган вывели из здания. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали на месте. Каратели построили 342 человека в одну колонну и повели по улице Калинина в сторону сенобазы. Идти было трудно: больные, исхудавшие, измученные люди еле передвигали ноги. Женщины несли на руках детей, подростки помогали старикам. Тётя Люба держала крепко за руку Милочку, будто боялась её потерять. Девочка уже не плакала — слёзы застыли на щеках. Мила думала, что наступит рассвет и выглянет солнце, которое хоть немного согреет её. Это было последнее желание восьмилетней еврейской девочки, которая хотела жить.

Рассвет наступил, но расстрелянные пленники Унечского гетто его уже не увидели...

Из акта злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над мирными гражданами Унечского района от 10 мая 1944г.: «Все пленники гетто, а это евреи и цыгане в количестве 342 человек в возрасте от 9 месяцев до 80 лет, были расстреляны 15 марта 1942 года в районе бывшей сенобазы. Взрослые расстреливались поочередно, а детей били голова об голову и сбрасывали в яму, периодически бросая в могилу гранаты в еще живую, стонущую массу женщин и детей...».

Список источников:

1. Тюрмы и гетто на территории города в годы фашистской оккупации. - Музейные исследования - Исследования - Каталог статей - Унечский краеведческий музей
2. Соломон Бажалкин: «Уцелел я один...» История спасенного узника унечского гетто. - Музейные исследования - Исследования - Каталог статей - Унечский краеведческий музей
3. Мы родом не из детства, из войны... - Музейные исследования - Исследования - Каталог статей - Унечский краеведческий музей

Справа на фотографии Мила Рыклина, слева — сёстры Бажалкины.

«АНГЕЛ МОЙ, ТЫ БУДЬ СО МНОЙ!»

Комарова Кристина Денисовна, учащаяся 8 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения Троснянская средняя общеобразовательная школа.

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 8-9 КЛАССОВ»

учитель: *Петракова Елена Владимировна*

тематическое направление: *«Карательные операции, направленные на централизованное уничтожение мирного населения»*

жанр: *рассказ*

*Посвящается Волкову Виктору, Трофимовой Антонине Ивановне,
Трофимовой Лидии.*

— «Ангел мой, ты будь со мной, верю в тебя и в защиту от зла!» — пела Лидочка своим бархатистым голосом. Пела и касалась Витино лба.

Но внезапно раздался выстрел. Партизан Серый (так прозвали Виктора Волкова товарищи, когда он весь серый от пепла прибежал в отряд из деревни Матрёновки), вздрогнув, проснулся. Лидочка! Опять она снилась ему! Красивая, ясноглазая, кудрявая и ...живая. Живая! Комок подступил к горлу.

Виктор нащупал в кармане гимнастерки фарфорового ангелочка, гладкого и чуть острого на сломанном крыле. Талисман был всегда с ним. Это его защита, его оберег, его память.

А помнить было что. Ту раннюю матреновскую зорьку двадцатого мая сорок третьего. Не солдаты пришли — смерть в сапогах. В немецких документах эта операция называлась «Репейник 1». Красивое, ядовитое название. Жителей сгоняли к сараю. Толкали прикладами, кричали на лающем фашистском языке. Рыжий унтер со стеклянными глазами, видать, был навеселе. Он взял за шиворот Ваську, одиннадцатилетнего двоюродного брата Виктора, и, ухмыльнувшись, произнес: «Мал партизан?». Блеснул топор — Васька даже пикнуть не успел. От увиденного у Виктора внутри что-то оборвалось, заныло внизу живота. Тело онемело. В глазах потемнело. А дальше — стоял без сознания. Дед Семён держал крепко за плечи, чтобы не привлекать внимание немцев.

Но ад на этом не закончился. Человек сто односельчан загнали в сарай. Полыхнул огонь, запахло гарью — людей заживо сжигали! По округе доносился

пронзительный крик сотни голосов: «Мама, мама, мама!» Там, в этом адском пожарище, сгорала его первая любовь — Лидочка. Виктор было рванулся к сараю. Но оставшихся детей, стариков и женщин выстроили рядком и полоснули пулеметной очередью. Дед загородил внука собой, его подкошенное тело швырнуло на Витьку. Тяжелый, теплый. «Лежи, внучек... тихо...» — прохрипел дедушка в самое ухо и обмяк. Горячая, густая влага залила Виктору шею, лицо. Он лежал, придавленный этим последним дедовым объятием, и смотрел в посеревшую щеку, в знакомую родинку над бровью. А в голове, сквозь вой и стрекот пулемета, бился один только спасительный шепот: «Ангел мой, ты будь со мной...».

Выбрался, когда стемнело и все стихло. Выполз из-под груды остывших тел, весь в липкой, засохшей крови. Деревня стояла неживая. Что было потом, помнил смутно. Помнил, как прятался в уцелевшем улье. Помнил, как фарфоровый Лидин ангелочек врезался в ладонь.

Этот ангел был его последней ниточкой в ту жизнь, что была до. В ту странную, голодную зиму сорок второго, когда немцы уже хозяйничали, а они, пацаны, тайком нарядили елку в лесу. Мороз стоял лучистый, ветви под луной — словно из стекла. И снежинки на Лидиных кудряшках — пушистые, точь-в-точь как у ее мамки, красавицы Антонины. Лида щебетала, какая мать у нее молодец — корову партизанам отдала, сами суп на картофельной шелухе варят. Вспоминали они тогда пирожки с земляникой, их теплый, сладкий дух. Слюнки текли, а в животе пусто. И вот, прощаясь, Лида сунула ему в руку этого ангела. Фарфоровый, златокудрый. «Храни, — сказала. — Он от беды». Этот оберег в семье хранился со стародавних времен, с тех самых, когда в Бацкино церковь была; говорили, что барыня Боровицына подарила его Лидочкиной бабушке. Получается: Лида, отдавая оберег, себя защиты лишила. Ее, и мамку Антонину, и брата Васю, и сестренку Валю — всех, всех, кого знал, — сожгли в тот день в колхозном сарае.

Виктор не помнил, как добрался до партизан. Будто в бреду был. А потом, уже с отрядом, вернулся на пепелище. Тут он и понял, что значит страшное слово «останки». Не тела, не люди — а именно останки. Обгорелые ребра, торчащие из золы, черные черепа, скорченные, как детские куклы, кости. И тишина. Такая, что в ушах звенело. А над этим пеплом — дико, невпопад — зеленели, как свечи, молодые сосенки.

...И вот теперь здесь, в партизанском отряде, проснувшись после тяжелой ночи, Серый слышит, как командир у костра говорит о памяти. О битве за правду. Виктор крепко сжимает в кулаке хрупкую фарфоровую фигурку. Его голос, сорванный, но твердый, ложится поверх слов командира, вливается в шум леса: «Ангел мой... Побудь со мной. Побудь. И помоги... помнить. Все.

До последней пылинки. До последнего вздоха. Помоги не дать этому зарости быльем».

И кажется, в ответ тишина вокруг становится иной. Не пустой, а полной. Полной тех, кого нет. И их немного завещания: жить. И помнить.

На своих плечах

Досугова Злата Николаевна, учащаяся 9 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения Средняя общеобразовательная школа № 2 имени Героя России Михаила Анатольевича Мясникова г. Сельцо Брянской области.

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 8-9 КЛАССОВ»

учитель: *Досугова Дина Александровна*

тематическое направление: *«Уничтожение голодом и создание заведомо невыносимых условий существования»*

жанр: *рассказ*

*Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..*

Михаил Исаковский «Русской женщине»

О судьбе русской женщины во время Великой Отечественной войны сказано немало. Испытания, горести, лишения, выпавшие на хрупкие женские плечи запечатлены в литературных произведениях, кинофильмах, картинах, скульптурах. И это правильно. Трудно представить, что пришлось пережить тем, кто наравне с солдатами — мужчинами сражался на фронтах, стоял у станков, теряя силы и здоровья, пахал на полях, снабжая фронт хлебом и отдавая последнее защитникам. Матерям, хоронившим детей. Жёнам, ставшим вдовами. Невестам, так и не познавшим счастья семейной жизни. Я хочу в эту скорбную летопись добавить ещё одну страничку. Рассказать о простой крестьянке Елене Яковлевне Алымовой.

Елена Яковлевна или Алёна, как её называли в деревне, собирала вещмешок Тимофею- своему мужу. Руки дрожали, слёзы катились по щекам. Тимоха уходил на фронт. Алёна положила запасные портянки, смену белья, химический карандаш, кисет с табаком, ложку, в газету завернула буханку хлеба и кусок сала. Кажется, ничего не забыла. Присела на лавку, причала мешок к груди, заплакала. Перед глазами, как кадры кинохроники, пронеслась её недолгая замужняя жизнь.

Вот она, молодая, нарядная, весело пляшет на гулянке, замечая, как с неё не сводит глаз высокий темноволосый паренёк, Тимофей Алымов — однофамилец. В деревне было много однофамильцев: Ковалёвы, Черноглазовы,

АЛЫМОВЫ.

Потом — сватовство. С песнями, гармошкой, на лошади, украшенной цветами и лентами, ко двору её родителей подъезжают родственники жениха, и Алёнка краснеет, смутившись от взглядов, направленных на неё.

Небогатая, но весёлая свадьба, крики «Горько», столы во дворе и она, в красивом светлом платье и венком на голове.

Затем- семейная жизнь: трудовые будни, дети, хозяйство, заботы. Мудрая не по годам, Алёна старалась сглаживать острые углы, могла лишний раз промолчать. Так и жили. Как все. Неплохо.

А тут война. Как страшно! Что их ждёт? Увидятся ли они? Зашёл Тимоха. Побритый, собранный.

— Присядем на дорожку, -попросила Алёна.

Он сел рядом. Алёна уткнулась лицом ему в грудь, заплакала.

— Ну будет, будет, — недовольно сказал мужчина, - живой я, живой.

За окном заиграла гармошка — верная спутница деревенской жизни, активная участника всех важных событий. Из домов начали выходить люди, провожающие своих близких на фронт. Вышла и Алёна с Тимофеем, позвала детей.

Возле сельсовета уже стояла толпа. Все прощались, плакали. Прозвучала команда: «По машинам!». Машины с призывниками тронулись в путь. Долго стояли провожающие, глядя вслед машинам, а когда те скрылись, начали расходиться по домам. Вернулась и Алёна в опустевший дом.

Жизнь началась трудная. Без мужского плеча. Всё приходилось делать самой. С раннего утра до поздней ночи трудилась женщина. Вести с фронта не радовали. Пришло одно письмо. Тимофей Писал, что бои идут тяжёлые.

Потом — тишина. Страшная. По деревне начали расплзаться слухи. Говорили, что в плен сдаются целыми дивизиями, что под Брянском огородили территорию колючей проволокой и согнали огромные толпы пленных, что они там в жутких условиях, без еды, ночует под открытым небом, умирают от болезней и истощения.

Сердце замирало от одной мысли: «А если и Тимофей там?»

А потом появились они. Фашисты и полицаи. Заходили в дома, выгоняли парней и мужчин, которые с силу возраста или каких- то других причин не ушли на фронт, заставляли пойти в полицию, прислуживать фашистам. Некоторые шли охотно и с удовольствием участвовали в таких рейдах. Этих нелюдей боялись больше немцев. Несогласных стать полицаями избивали шомполами, ставили к стенке всю семью и грозились расстрелять. Это у них называлось «Агитация»

Однажды вечером к Алёне зашла Аксюта, женщина, жившая на противоположной стороне деревни, рассказала, как они выкупили из концлагеря и привезли домой брата Алексея. Оказывается, из плена родственника можно было выкупить, точнее обменять на еду. Полицаи, охранявшие пленных, были людьми практичными и любили хорошо покушать.

— Слышь, Алён, — сказала Аксюта, — наш Ляксей сказал, что твоего Тимоху там видел. Плох он совсем. Ты бы поспешила.

Ахнула Алёна, зарыдала, но быстро успокоилась. Главное, живой. Успеть бы! Достала все свои припасы: муку, крупу, сало. Мало! Сала мало! Побежала по соседям, знакомым. Просила в долг, умоляла, обещала отдать сразу же, как только сможет. Небогато жили люди, но не остались равнодушны к чужой беде — помогли, чем смогли.

На следующий день рано утром собралась женщина, за детьми и хозяйством попросила родственников присмотреть, взвалила на плечи мешок с продуктами и отправилась в путь в Брянск, до которого было 70 километров. Пешком, так как больше было не на чем.

Алёна шла быстро, не чувствуя усталости. «Только бы успеть! Только бы не опоздать!» — билась в голове мысль. По описанию Аксюты, расспросив редких прохожих, она наконец вышла на большое поле, огороженное колючей проволокой, за которой находились пленные советские солдаты. Картина перед ней открылась настолько ужасная, что у женщины замерло сердце. Прямо на голой земле сидели и лежали истощенные люди. Их охраняли полицаи в чёрных формах с оружием в руках. Когда женщина подошла и заговорила с первым преградившим ей путь полицаем, сотни лиц повернулись к ней с мольбой и надеждой в глазах.

Алёна спросила, где найти главного, потом подошла к высокому полному мужчине, смотревшему на неё маленькими злыми глазками.

— Чего тебе? — лениво спросил он.

Она заговорила быстро и умоляюще, просила отпустить мужа, показывала свои подношения.

Полицай взял её котомку, внимательно осмотрел содержимое и кивнул головой: «Забирай!»

Женщина вошла на территорию концлагеря. Она бродила, вглядываясь в худые, измождённые лица, но не могла узнать среди них мужа. Вдруг ей показалось, что один мужчина смотрит на неё и что-то шепчет. Подойдя ближе, она чуть не закричала. Это был Тимоха, обессиленный настолько, что не мог ни сидеть, ни говорить.

Алёна бросилась к мужу, попыталась его поднять, что-то говорила, плакала, при читала. С трудом подняв мужчину, она практически понесла его на себе.

Несмотря на сильное истощение, нести Тимофей было тяжело. Но Алёна упорно тащила его к выходу. Быстрее! Быстрее! Подальше от этого страшного места!

Вдруг мужчина что-то зашептал, куда-то показывая пальцем.

— Андрюха, — еле расслышала женщина, — там.

Она посмотрела туда, куда указывал муж, и увидела мужчину, который полулежал в двух шагах от них и махал рукой.

Это был Андрей Куцепин, живший с семьёй в соседней деревне. Он протянул ей старенький пиджак и невнятно сказал: «Передай моим». Алёна вспомнила, что семья Куцепиных жила очень бедно. Не за что, видно, его, бедолагу, выкупить. Она молча кивнула и заплакала. Прижав пиджак к груди и крепки держа мужа, побрела к выходу.

Вот и выход! Дальше, дальше отсюда!

Через некоторое время силы начали покидать женщину. Она опустила Тимофея на землю, села рядом, достала маленький мешочек, спрятанный на груди, вытащила кусок хлеба и бутылочку молока, отщипнула кусочек и дала мужу.

Кусочек хлеба и глоток молока. Знающие люди в деревне ей сказали, что нельзя изголодавшего кормить сразу досыта — умереть может.

Перекусив и передохнув, они отправились дальше.

Долгим и трудным был этот путь домой. Алёне казалось, что она не выдержит, что вот-вот сейчас упадёт и умрёт. Ей хотелось кричать и плакать от бессилия и отчаяния. Но она каждый раз думала, что ослабевшему Тимофею, заглянувшему в глаза смерти, ещё тяжелей, поэтому, стиснув зубы, упорно двигалась дальше. Ночевали прямо на земле. Смертельно уставшая женщина мгновенно засыпала, потом просыпалась в холодном поту: ей казалось, что Тимоха не дышит. Она трогала его за руки, наклонялась к самому лицу. Услышав вздох или стон, засыпала опять. А утром взваливала мужа на плечи и шла вперёд. И только увидев первые дома их родной деревушки, села на землю и громко заплакала.

Три недели Тимофей отлёживался на печке, потом им стали интересоваться фашистские «агитаторы». Сосед Алымовых, которого угрозами и побоями заставили пойти служить в полицию, каждый раз предупреждал Тимоху о готовящемся рейде, и Тимоха уходил из дома, прятался. Когда у Алёны спрашивали, где муж, она, глядя честными и бесхитростными глазами, отвечала «Не знаю, ушёл куда-то».

Фашистские холопы искали мужчину в доме, в сараях, в погребе, во дворе. Не найдя Тимофея и прихватив всё, что понравилось, уходили. И так до следующей «агитации».

Очень хочется написать, что самое трудное для этой семьи осталось в прошлом. Но не могу. Самое страшное было впереди: в тысяча девятьсот сорок третьем году Тимоха, Алымов, Тимофей Михайлович ушёл на фронт, а в тысяча девятьсот сорок четвертом Алёна, Алымова Елена Яковлевна, получила похоронку на мужа.

Трудную жизнь прожила эта женщина. Как говорится: «Вдовье дело — горькое дело!». Но не сдалась, не сломалась. Вырастила честных и трудолюбивых детей, нянчила внуков. Поступок Алёны, которая семьдесят километров на своих плечах несла истощенного мужа, помнят до сих пор. И я эту историю знаю потому, что праправнук Алёны, Тимофей, — мой двоюродный брат.

Последняя встреча

Лямцева Лина Александровна, учащаяся 9 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 1 Брянского района».

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 8-9 КЛАССОВ»

учитель: *Аршинова Ольга Валерьевна*

тематическое направление: «*Трагедия и подвиг советского народа в произведениях искусства*»

жанр: *рассказ*

Алёнка закрыла виртуальный дневник. Всё! Уроки все сделаны, пора отдыхать. Девочка подошла к окну и с удовольствием посмотрела на берёзу, засыпанную снегом и похожую на укутанную в меховую шубу барышню.

Алёнка ощутила внутри себя какую-то лёгкость, свободу! Впереди две недели зимних каникул! Но сначала!.. Но сначала Новогодний бал, такой долгожданный и теперь уже такой близкий! Как же Алёнка любила эту предпраздничную суету, яркость и блеск, невероятное веселье и всеобщее дружелюбие. Праздником было даже ожидание праздника.

Вдруг дверь открылась, и в комнату заглянул отец.

— А я к тебе с отличной новостью! — сказал он.

Алёнка застыла в ожидании. Похоже, время хороших новостей продолжается!

Отец торжественно произнёс:

— На зимних каникулах мы едем к бабушке в Москву!

Алёнка засмеялась. Счастье-то какое — увидеть новогоднюю столицу!

...Ранним утром Москва встретила Алёнку и её родителей яркой иллюминацией.

— Неужели в нашу честь? — ошеломлённо произнесла Алёнка, никак не ожидая такого ослепительного сияния в 6 часов утра.

— И в нашу тоже, — ответила мама, быстро пробегая глазами по автостоянке рядом с железнодорожным вокзалом. Она кого-то искала.

— Вон он, — сказал папа и указал рукой на отдалённую фигуру, одиноко стоящую на тротуаре.

— Дедушка! — закричала мама и помахала рукой.

Фигура зашевелилась, но продолжала стоять.

— Не видит нас, — негромко сказала Алёнка.

— Дедушка! — закричали они хором и быстрым шагом направились к одинокой фигуре. Наконец дедушка их заметил и пошёл навстречу. Мама первая с ним обнялась, потом папа пожал дедушкину руку и обнял старика. Взгляд дедушки устремился на Алёнку.

— Здравствуй, Алёна. Как же ты выросла!

Алёнка тоже смотрела на дедушку, такого знакомого и незнакомого одновременно. Она обняла дедушку и заметила, что он постарел с тех пор, как она его видела два года назад. Тогда дедушка вместе с бабушкой приезжал к ним в гости в Брянск. Алёнка помнила, как она с ним играла в прятки, собирала пазлы, а перед сном он читал ей сказки Пушкина. Потом бабушка умерла. И дедушка больше не приезжал в гости. Но мама часто звонила ему по вечерам и передавала от него привет Алёнке.

Все вместе они направились в метро. Алёнка шла следом за дедушкой. Она с болью отметила, как сгорбилась его спина под старомодной курткой, как неуверенно шагают его ноги по посыпанному песком тротуару... Сколько же ему лет? — спросила себя Алёнка. И вдруг поняла, что много, очень много, что он для её мамы дедушка, а для неё, Алёнки, — прадедушка. Мама рассказывала, что он совсем юным пошёл на войну бить фашистов после того, как погиб его младший братишка. Алёнка вспомнила старую фотографию, на которой улыбался совсем молодой дедушка в военной форме, а вся грудь его увешана наградами. Сколько ему было лет, когда закончилась война?

Но мысли Алёнки прервала праздничная Москва. Столица сияла, мигала, светилась разноцветными огнями гирлянд, фонарей, всевозможных светильников и была похожа на величественную императрицу на торжественном балу. Алёнка любовалась праздничным городом, ощущая себя героиней какой-то волшебной сказки.

...Какая же это была славная неделя в новогодней Москве! Алёнка едва различала, где реальность, а где сказка. Вот она с родителями на Красной площади, ослеплённая гирляндами огней, катается на коньках по огромному катку, потом пьёт горячий чай с булочками; а вот они же на Тверской площади возле огромной ёлки водят хоровод; вот вместе с дедушкой гуляют по старому Арбату... Парк Горького, ВДНХ, Поклонная гора, Лубянская площадь...

В предпоследний день новогодних каникул вся семья вместе с дедушкой отправилась в Третьяковскую галерею. Дедушка надел свой пиджак, увешанный орденами и медалями. Алёнка с восторгом и гордостью смотрела на него.

Сначала по залам музея они ходили вместе. Но как-то незаметно отстали папа и мама, задержавшись у картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Алёнка находилась рядом с дедушкой. Но вот и она восхищённо замерла перед «Алёнушкой» Виктора Васнецова и даже не заметила, когда дедушки не оказалась рядом.

Алёнка отправилась на поиски дедушки, не спеша переходя из одного зала в другой, и наконец нашла его стоящим напротив одной из картин. Она не стала его окликать и молча остановилась рядом перед небольшим холстом.

На картине был изображён осенний пейзаж. Золотая осень. Небольшая берёзовая рощица расположилась на косогоре. Вниз под гору росли молодые сосенки. Ещё ниже — небольшие копны сена. Вдаль уходили зеленеющие поля озимых. Огромное серо-синее небо с белыми облаками простиралось над бесконечным русским простором. Кажется, всё погружено в тишину и безмятежность.

Но что это там около берёзок? Алёнка подошла ближе, присмотрелась и отпрянула от неожиданности. Две коровы, чёрная и бурая, мёртвые лежали на пожухлой траве. А дальше, среди берёзок, мёртвый чёрный телёнок в последний раз протянул свою голову к матери-корове.

Не в силах отвести взгляд от картины, Алёнка опустила глаза ниже и увидела лежащего на траве мальчика-пастушка с окровавленной головой. Он прижался щекой к холодной земле, его правая рука была как-то неестественно вывернута, недалеко валялись кнут и шапка. Мальчик был мёртв... А рядом сидела чёрно-белая собачка и, задрав мордочку к небу, безутешно выла, нарушая осенний покой.

Не в силах что-либо произнести, Алёнка медленно повернула голову и прочитала текст на прикреплённой к стене табличке: *«Аркадий Пластов (1893-1972). Фашист пролетел. 1942. Холст, масло».*

Фашист пролетел... Алёнка снова посмотрела на картину и только сейчас различила в небе далёкий самолёт, низко пролетавший над озимыми полями. Он улетал, оставляя за собой смерть и безысходность.

Душа Алёнки словно заледенела. Она ощутила внутри себя такую безнадежность, такое отчаяние, бессилие, при которых даже слёзы не помогут. К горлу подступил ком, и Алёнка ничего не могла произнести. Дедушка тоже молчал. Молча стояли и подошедшие родители.

...Дорога назад, в квартиру дедушки, была самой тяжёлой для Алёнки. Ей хотелось уединиться, помолчать, а кругом была всё та же шумная праздничная Москва.

Алёнка не стала обедать. Она ушла в спальню, села в большое старое кресло, на котором когда-то любила сидеть бабушка, достала телефон и набрала в браузере: «История создания картины Пластова «Фашист пролетел». Алёнка узнала, что картина была написана Аркадием Пластовым осенью 1942 года всего за пять дней. Тогда, в военное время, эта картина стала символом преступности войны, её жестокости и бессмысленности. Сам Иосиф Сталин, поражённый сюжетом картины, посоветовал художнику назвать её «Фашист пролетел», хотя у художника было название «Немец пролетел». Эту картину Сталин взял с собой в Тегеран на переговоры глав СССР, Великобритании и США об открытии второго фронта в 1943 году. Картина висела в зале советского посольства и произвела неизгладимое впечатление на Черчилля и Рузвельта.

Алёнка не заметила, как в комнате стало темно. Тихонько скрипнула дверь, в комнату вошёл дедушка. Он включил торшер и сел рядом с Алёнкой на стул, стоящий рядом с письменным столом. В руках его был старый самодельный ларчик, который всегда стоял в шкафу на альбомах с фотографиями.

— Дедушка, почему он их убил? Что сделал ему этот мальчик? — спросила Алёнка.

— Фашисты никого не щадили, — ответил дедушка, — ни солдат, ни женщин, ни детей, ни животных. Бессмысленная и бесконечная жестокость — вот что такое фашизм.

Дедушка открыл ларчик и начал доставать из него по одному предмету.

— Это моя оловянная ложка, с ней я прошёл всю войну. Вот звёздочка с фуражки Вани Дубова, погибшего под Варшавой, ему было 26 лет. А это вырезка из газеты «Правда» про наш взвод. Вот письма, которые писала мне твоя бабушка после войны. А вот фотография, которую я хотел тебе показать.

Алёнка взяла небольшую чёрно — белую фотографию с мятыми уголками. На неё смотрели два мальчика в матросских костюмчиках.

Младший мальчик сидел на деревянной лошадке, а старший держал лошадку за верёвочку. Внизу был напечатан год — 1939-й.

— Это я, — показал дедушка на мальчика постарше, — мне здесь 9 лет. А это мой братик Толя, ему 5 лет.

Дедушка помолчал, погружённый в свои воспоминания.

— В годы войны мы жили в оккупированном Новозыбкове. У нас был дом на улице Ленина. Весной 43-го года Толя играл с котёнком около ворот дома. Я с мамой был в сарае, мы там две курицы прятали. Мимо проходили два фашиста... Кто-то из них пальнул по Тольке из автомата. Помню, как громко закричала мама... Толик лежал на траве в крови... И рядом котёнок... Когда я смотрю на картину Пластова, я вспоминаю своего брата, которому было 9 лет...

Алёнка заплакала. А дедушка продолжал:

— Летом я стал связным у подпольной группы. А потом, когда на меня пало подозрение фашистов, бежал к партизанам. Мне было 14 лет, но я сказал, что мне 16. Меня хотели отправить в тыл, но я обещал снова убежать на войну. Когда Брянщину освободили от фашистов, я со своими товарищами — партизанами присоединился к Красной армии и дошёл до Варшавы. Там, в бою за город, был ранен, а после госпиталя вернулся домой, к маме.

— Дедушка, а сколько тебе лет? — спросила Алёнка.

— Скоро будет 97, — дедушка впервые за вечер улыбнулся, глядя на изумлённое лицо внучки. — Жду тебя на весенних каникулах на мой день рождения.

...Дедушка умер весной, не дожив до своего дня рождения. Алёнка стояла рядом со свежей могилой, в руках она держала дедушкин ларчик, который она обещала хранить всю жизнь, чтобы рассказать, когда станет взрослой, своим детям о их родном герое.

Галинкина ива

Абрахманова Ксения Андреевна, учащаяся 10 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения - Средняя общеобразовательная школа № 4 им. В.И. Ленина г. Клинцы Брянской области.

ПОБЕДИТЕЛЬ В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 10-11 КЛАССОВ»

учитель: *Лукашова Анжелика Викторовна*

тематическое направление: «*Угон на принудительные работы*»

жанр: *рассказ*

— Не видать моей Галинки? — с надеждой спрашивал дед Алексей у редких прохожих, а они, опустив глаза, отвечали, что не видели его дочери, и ускоряли шаг, стараясь быстрее отойти от незрячего старика. Не от жестокости люди так поступали, нет. Не знали просто, что говорить несчастному отцу, чью дочь в начале войны насильственно угнали в немецкое рабство.

— Вернётся она, дедушка, вернётся, может, опять в лес пошла. Деревья спасать, — отвечала ему соседка Мария, которая, как и другие, не могла сказать правду одинокому человеку, зная, что он не вынесет этого. Кроме дочери, у слепого Алексея не было никого, а у Галинки — так её называли в округе — был только отец.

Милая Галинка! Её все любили в деревне, жалели. Она никому не делала зла. Была доброй и отзывчивой, помогала тем, кто нуждался в помощи.

Рано оставшись без матери, росла тихой и застенчивой. Очень любила лес, спасала поломанные деревья и выхаживала их. Маленькие даже приносила домой и сажала около крыльца. Последнее принесённое ею деревце — молоденькая ива — начинало входить в рост, но ещё не цвело.

Алексей переживал, а Галинка говорила: «Ничего, отец, я скажу тебе, когда ивушка наша зацветёт».

По вечерам в их маленьком доме слышались красивые песни — это Галя пела для самого близкого своего человека. Голос у неё чистый, словно ручеек переливается. Споёт дочь своему отцу, и ему хорошо на душе становится, спокойно.

А потом наступила война. Фашисты заняли Галину деревню. По-хозяйски вошли в дом слепого старика. Алексей не успел спрятать дочь. Немцы увидели

её. Схватили. Желая спасти свою кровиночку, отец бросился к врагам, но один из фашистов ударил его прикладом автомата по голове. Алексей упал.

Немцы же, вдоволь наиздевавшись над Галей, окровавленную, бросили её в грузовик и угнали в Германию.

С той поры надломилось что-то внутри Алексея, помутилось. Всё сидел он у ивы и ждал свою Галинку.

Не знал бедный старик, что его дочь стала рабой у немецкого бюргера. Отвели ей место на скотном дворе. Она кормила кур, гусей, свиней. Ела Галя то же, что и животные. Другого ей не давали. Одежда стала лохмотьями, которые зимой совсем не грели. Вся грудь и спина девушки были в синяках, ранах — на ней от нечего делать упражнялись в ударах дети хозяина. Руки и ноги Гали покрылись язвами. Стали чёрными. А сама она превратилась в тень.

Немыслимые страдания испытывала Галина: её морили голодом, били. Но ни мольбы, ни стоны не слышал бюргер от девушки, поэтому злился ещё больше. Как-то он услышал, что Галинка, забившись в угол, плакала и тихо-тихо пела. Это была одна из тех песен, которые она когда-то напевала отцу. Немец отрезал Гале язык. Она стала немой. А однажды он увидел, как свинки, гуси и куры пытались согреть своими тельцами несчастную, и решил натравить на девушку свою самую лютую овчарку. Но, странное дело, свирепая собака, не тронув Галю, стала лизать ей руки, своим дыханием согревая истощённого человека. А потом овчарка даже легла у ног Гали, будто хотела оградить девушку от беды. Тогда немец застрелил собаку, а Галю начал избивать...

Наступила весна. Дед Алексей сидел рядом с ивой, прикрыв свои невидящие глаза.

— Галинка, моя Галинка, — всё звал он дочь.

— Я здесь, отец, я рядом, родной мой. А ивушка наша-то, знаешь, зацвела, — послышалось ему. Отцовское сердце замерло, почувствовав рядом с собой свою милую дочь. И тогда он, тихо заплакав, навсегда успокоился.

Алексей так и не узнал, что в тот самый миг, когда ива нежно распустила сережки, его Галинка, истерзанная и измученная, навечно закрыла свои глаза. Осталась лежать там, в далёкой Германии.

Прошли годы. Ива разрослась. На её ветвях сидят теперь птицы и поют, словно желают спеть все песни, что не успела Галинка.

Фронтальная тетрадь Ивана Федоровича

Евтюшина Валерия Владиславовна, учащаяся 11 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа имени С.М. Кирова» г. Карачева.

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 10-11 КЛАССОВ»

учитель: *Машичева Людмила Ивановна*

тематическое направление: *«Трагедия моей семьи в годы Великой Отечественной войны»*

жанр: *рассказ*

На дворе стоял тихий майский вечер накануне праздника Победы. Максим, ученик десятого класса, сидел в своей комнате за письменным столом, уставленным книгами, конспектами и учебниками. Экран ноутбука отображал задание: «Доклад по истории на тему «Операции Великой Отечественной войны». Работа совершенно не шла, цифры, даты, названия сражений и карты словно расплывались перед глазами юноши, превращаясь в нечто далекое и совсем не затрагивающее сердце.

Вдруг дверь слегка приоткрылась, и вошла мать, Анна Владимировна. Она заметила задумчивость сына и мягко предложила сделать перерыв, напомнив, что завтра утром предстоит участие в шествии «Бессмертного полка».

— Мама, да у меня вообще ничего не получается. Вся война давно разложена по полкам историками. Где тут искать новое?

Анна Владимировна внимательно посмотрела на сына и молча покинула комнату. Вскоре она вернулась, осторожно неся небольшую картонную коробку, которую Максим помнил смутно, — она стояла высоко на антресоли.

— Твой прадед, Иван Фёдорович, прошёл всю войну. Он почти никогда ничего о ней не рассказывал, но всё записывал. Вот, держи, — мать аккуратно отдала сыну коробку, — его фронтные записки. Бабушка отдала эту тетрадь перед смертью и сказала: «Придёт время — отдашь сыну». Думаю, это время пришло.

Мама тихо закрыла дверь, оставив сына наедине с коробкой. Максим осторожно вынул тетрадь с надписью аккуратным почерком: «Иван Ф., 1941–1945».

Первая страница потрясла мальчика: *«Под Москвой, октябрь 1941-го. Бомбят непрерывно, служба такая, что землю выковырять невозможно.*

Сегодня похоронили Василия. Был поэт, стихи писал, последнюю весточку маме спрятал в сапоге. Обещал послать, если сам останусь живым...».

Строки заставили замереть, будто холодный ветер сорок первого пробежал по спине. Это были не сухие факты из учебника, а живой голос настоящего фронтовика, полный боли и надежды.

«18 июля 1942 года. Отступление. Самое тяжёлое – видеть глаза жителей деревни, полные отчаяния и надежды. Кровь стынет, когда слышишь за спиной грохот и гул военной техники. Мы не можем их защитить. Это горше любого боя».

День за днём, год за годом, страница за страницей... Читая дневник, Максим проживал ужасы войны вместе с прадедом. Он описывал самые сокровенные чувства солдата: голод, усталость, бесконечный страх смерти, отчаяние от разлуки с семьёй и друзьями, ощущение пустоты после потерь товарищей. И Максим чувствовал его усталость и любовь к товарищам, ненависть к войне и веру в победу. Каждая строчка словно открывала дверь в прошлое, заставляя переживать боль, горе и радость побед вместе с ним. Записи не повторяли академический взгляд на военные события, они раскрывали глубокую человечность среди жестоких испытаний.

Максим перестал считать минуты, забыл обо всём вокруг. Война стала понятнее и ближе благодаря искренним строкам родного прадеда, который пережил страшнейшие испытания, но сумел сохранить веру в будущее и стремление жить ради близких. Его воспоминания оказались настоящей драгоценностью, той самой уникальной информацией, которой не хватало для доклада.

А вот и последняя запись: *«10 мая 1945 года. Прага. Конец. Народ кричит ура, стреляют в воздух. А я не могу. Сижусь на траве и плачу. Перед глазами проносятся все, кто остался там навсегда: Васька, лейтенант Николай, погибший за неделю до победы, санитар Витька... Друзья, спите спокойно. Я буду вас помнить. Вечно».*

Слёзы текли по щекам мальчика. Он не просто читал историю — он её проживал. Он держал в руках завещание памяти.

Неожиданно из тетради выпал листок. Это было письмо его семье. *«Если вы читаете это, значит, у меня не хватило смелости рассказать вам всё, что я пережил за эти годы. Война — это самое страшное, что случилось со мной. Мы воевали не за политиков. Мы воевали за то, чтобы вы, наши дети и правнуки, жили под мирным небом, никогда не знали свиста пуль и взрывов гранат, не голодали, а спали спокойно. Могли учиться, работать, дружить. Храните мир. Храните память о нас».*

Рассвет заливал комнату. Максим аккуратно вложил листок в тетрадь, осторожно прижал её к груди и посмотрел в окно. В городе царила тишина и покой. Он понял всё.

Через несколько часов Максим вместе с матерью стоял в колонне «Бессмертного полка». Анна Владимировна держала в руках портрет своей бабушки, труженицы тыла. Юноша держал в руках не распечатанную на современном принтере фотографию, а ту самую, из коробки, где лейтенант Иван

Фёдорович смотрел на него зорким взглядом с яркой улыбкой.

Вернувшись домой, Максим сел за ноутбук. Теперь его работа имела глубокий смысл, она жила в сердце, наполнялась теплом человеческих судеб, болью утрат и надеждой на мирное небо над головой. Максим писал не просто доклад, а письмо прадеду: *«Здравствуй, дед. Тебя нет с нами уже много лет, но сегодня я провёл тебя по улицам родного города. Ты говорил со мной всю ночь, и я услышал, я понял. Обещаю, что буду помнить всех тех, кого ты записал в своей тетради. Я буду стараться беречь этот хрупкий мир, который вы нам подарили. Спасибо, дед!»*

Максим ещё долго сидел перед ноутбуком, перечитывая строки своего письма-послания деду. Его пальцы дрожали, когда он медленно закрывал крышку ноутбука. Затем мальчик снова взял тетрадь и хотел бережно положить её обратно в коробку, рядом с пожелтевшими фронтовыми письмами и фотографией лейтенанта Ивана Фёдоровича. Но тихие шаги матери заставили его обернуться. Она стояла в дверях комнаты, внимательно наблюдая за сыном.

— Что-то не так? — тихо спросила Анна Владимировна.

Максим молча протянул ей раскрытую тетрадь, показывая записи деда. Мать прочла их вслух, слезы блестели в уголках глаз.

— Вот почему бабушка хранила эту коробку всю жизнь, — прошептала она.

Максим аккуратно переложил дневник и другие вещи в специальный альбом, создав мемориальный уголок памяти. Каждый день, глядя на эти страницы, он ощущал связь поколений, чувствовал тепло рук, сжимавших карандаш восемьдесят лет назад.

Так начался новый этап его взросления — осознание ответственности за прошлое и будущее, уважение к истории семьи и желание сохранить её наследие. Теперь Максим знал точно: память — это не просто воспоминания, это живое сердце каждого человека, стремящегося построить мирное завтра.

Список источников:

1. <https://histrf.ru> – портал «История.РФ»
2. <http://militera.lib.ru/> – военная литература, публикации исследований, воспоминаний
3. Ковалевский В.А. Тетради из полевой сумки, М., Советский писатель, 1968

Фотография

Колякин Ярослав Владимирович, учащийся 11 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения - Доброводская средняя общеобразовательная школа.

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «УЧЕНИКИ 10-11 КЛАССОВ»

учитель: *Колякина Татьяна Александровна*

тематическое направление: «*Трагедия моей семьи в годы Великой отечественной войны*»

жанр: *рассказ*

Андрею Григорьевичу Асмёткину, посвящается.

— **В**от тут, ребятки, тут мне лет, наверное, шестнадцать. — сказал дядя Андрей, разглядывая старую фотографию. — Посмотрите, какой красавец я был. И ноги... тут ещё их две.

Мальчишки, двое белоголовых ребят десяти и тринадцати лет, устремили свои голубые глазёнки на черно-белую, изрядно потрёпанную фотографию, с которой на них смотрел, широко улыбаясь, мальчишка с пышным вихром на лбу.

— Дядя, а почему тут на фотографии две ноги, а сейчас одна? Куда подевалась вторая? — спросил младший Алёшка, пытливо уставившись на Андрея.

Дядя Андрей, по отцу Григорьевич, было ему отроду только 32 года, много горя повидал в жизни, не одно тяжкое испытание выпало на его долю, не одна сединка посеребрила его виски. Однако он был совершенно незлобивым, а детей очень любил, хотя и был с ними иногда строг. Андрей Григорьевич никогда не сидел без дела, всё время находил себе занятие, то хлопотал по хозяйству, то что-нибудь мастерил или ремонтировал. Его племянники Николай и Алексей, когда заставляли его в редкие минуты отдыха, тут же начинали бесконечные расспросы обо всём и про всех. Вот и теперь Алёшка, рассматривая фотографии на недавно выбеленной стене, обнаружил среди них этого улыбающегося парнишку и начал засыпать дядю вопросами.

— Как? Разве я не рассказывал? — удивился дядя.

— Нет, эту карточку я вижу впервые, — ответил старший Николай.

— Мы никуда не спешим, мать с работы будет поздно, так что задержимся у тебя до вечера, — деловито продолжил он, хитро прищутив глаза.

— Эх, ребятки, — протянул дядя, — ну, видать, деваться мне некуда. Так и быть, садитесь и слушайте, только на вот, Алексей, протез мой поставь-ка там, жмёт малость.

Дядя Андрей снял свою потёртую деревяшку с ноги, подал её Алексею, откинулся на спинку своего старенького дивана и начал свою историю:

— Был сорок третий год. Ивана, старший который из нас был, на войне уже убило, Фёдор, средний, воевал где-то на Донбассе, а я остался в деревне с тёткою да с младшим братом. Отец с матерью до войны умерли от тифа. Тогда это не редкость была. Вот и жили мы с Татьяной да Сережкой. А мне как раз, кажется, шестнадцать стукнуло. Помню, лето было. Рвался я своим помогать, солдатам. На фронт хотел, а тётка ни в какую не отпускает, мал, говорит, ещё. — Андрей вытер ладонью широкий, с небольшими залысинами лоб, потрепал по белым кудрям Алёшку, подмигнул своими большими круглыми глазами и продолжил.

— На поле я был, а чего, уж не припомню сейчас. Это было как раз, когда Севск наш освободили. Слышу гул такой, навроде, как большое что-то едет. В кусты бегом махнул, притаился. Вижу: танки едут. Три. Пригляделся, будто наши, со звёздочками. Я следом побежал, гляжу: они в село наше сворачивают. Узнал я, где эти танки остановились. Оказалось, у бабы Маруси, она одна жила, родных, кроме сына, не было. Он тоже на фронте. Танкисты к ней и попросились заночевать. Отстали от своих, догоняют теперь. Вот тогда-то я и решил: во что бы то ни стало убегу из дома с этими танкистами. Придумал так: как все заснут, спрячусь в танке, а утром, как уедем подальше, так и покажусь, здрасьте, мол, дяденьки солдаты, не выдавайте Христа ради, я фашистов бить хочу с вами.

— И что, правда спрятался? — ахнул Алексей, — Прямо внутри? И не заметили? А когда они тебя нашли? — продолжал, как из пулемёта, мальчик.

— Да погодь ты, затарахтел, слушай смирно, — засмеялся Андрей, — а то и вовсе рассказывать перестану.

— Так вот ночь, когда наступила, я тихонько выполз из хаты, прокрался до бабы Марусинового огорода, пролез через плетень и, как убедился, что никто меня не видел, стал искать, где вход-то у танка этого. Не видал же раньше никогда такой машины. Но разобрался быстро, залез, на ощупь забился куда-то в железяки, да и сижу. Правда, вскорости и уснул. Проснулся — тушёнкой пахнет, так и защекотало ноздри, заурчало внутри. Танкисты завтракали. У самого-то в животе пусто: как задумал бежать из дома, так и не ел ничего, не до еды было, да и есть-то особо нечего было. А тут такой аромат. Но терплю. Жду минуту, чтобы показаться, да не пришлось: танкист заглянул туда, где я притаился, и давай смеяться. Оказывается, уже обнаружили меня, только решили не будить.

Робею. Вылез. Сразу в лоб и говорю им, что домой ни за что, только на фронт. Опять засмеялись. Я жду, а сам пытаюсь сообразить: уехали мы из деревни нашей или нет. Уехали, и давно. Танкисты переглянулись между собой, один из них, старшой, верно, и говорит: «Ладно, парень, так и быть, на фронт так на фронт. Всё равно уже назад не вернёмся. Но не так сразу. Приедем в часть, там командир разберётся».

— И что? Что тебе командир сказал? — допытывался Алеша.

— А что сказал? Сказал, что мне сперва надо научиться всему, а уж потом

и на фронт можно. И отправили меня далеко, долго я ехал на поезде, пока не прибыл в местечко Нытва. Там и обучался я военному делу. А через полгода отправили, наконец, на фронт.

— Танкистом? — спросил молчавший до этого Коля.

— Да, танкистом. Я, конечно, доволен был, что теперь могу что-то ванное делать. Служить я, ребята, попал на первый Белорусский фронт, в стрелковый полк под номером 774, дивизия 222. Вот так. И совсем скоро назначили меня командиром пульрасчёта.

— А это как, пульрасчёта? Пули считать, что ли? — спросил Алешка недоумевающая. — Зачем их считать?

Андрей Григорьевич расхохотался, да так заразительно, что и сам Алеша не удержался и засмеялся.

Нет, Алексей, это значит командир пулемётного расчёта. Управлял я пулемётным отделением. — перестав смеяться, ответил Андрей.

— Но ты же сказал, танкистом? — не унимался Алеша.

— Да, в войну на танках были ещё и пулемёты. Два вспомогательных на танках Т-34 и Т-34-85. Один называли «спаренный», он стоял рядом с пушкой, другой - «курсовой». Он находился в шаровой установке в верхней лобовой плите. Шаровая — это значит вращающаяся, как шар. Понятно? Дай листок, нарисую.

Алеша рванул с места за листком, ничего не найдя, взял на столе газетный лист, карандаш и мигом оказался снова возле дяди. Андрей, предварительно смочив слюной карандаш, нарисовал с краю листа ребятам танк и указал, где находилось его орудие.

— И почти дошел я, ребяташки, до самого Берлина, — продолжил дядя, глядя на ребят, водивших пальцами по рисунку на газете.

— Бил я вражину из танка уже там, на их европейской земле.

Андрей Григорьевич замолчал. Размял свою единственную ногу, попросил принести воды. Снова погладил по кудрям Алешку (уж очень любил его за то, что озорник был, упрямый парнишка). Глядя на него, Андрей всегда вспоминал себя в детстве и находил много общего между собой и этим мальчишкой: такой же уверенный взгляд, такой же огонёк в глазах, такие же искорки с легкой, едва уловимой лукавинкой. С грустью скользнул взглядом по обрубку своей ноги, но потом вдруг подмигнул племянникам и продолжил:

— Да вот беда приключилась со мной. Не успел я в глаза заглянуть этому фрицу проклятому. Думал, дойду до самого Гитлера. Стоял наш полк недалеко от городка, название только забыл. Там ещё река красивая, Одер называется. Между прочим, сам Жуков войсками командовал! Вы знаете, кто это? — дети синхронно кивнули. — Пять танков наших стояли за углом разбитого дома. Все в напряжении, ждём команды идти в наступление. Ведь какое желание тогда у всех было? Разбить, раздавить фашистов! Ведь мы их прогнали-таки до самого Берлина, совсем малость осталось. Ведь это уже март был, ребята, сорок пятый год, понимаете?

Андрей резко выбросил руку вперёд, сжал крепкий кулак, прямо-таки железный, так что вены надулись и забугрились по всей руке, глаза его

заблестели. Он так взволновался, что чуть было не вскочил с места, но опомнился. Поправил свой поношенный летничек, пригладил редкие волосы и вдруг опять, широко улыбнувшись, ласково взглянул на детей.

— Стал я из танка вылезать, сел уже на люк, осталось только ноги вытащить. Вот так, — дядя поднял здоровую ногу, чтобы показать свои движения, — а когда левую ногу поднял, в этот самый момент снайпер в меня выстрелил. Я последний из экипажа нашего был, так что ребята мои стащили меня быстро на землю, оттянули подальше и почти сразу санитарам передали. И пока тянули меня, тут я разглядел кровь на ноге. Угу, думаю, ранил, значит, мерзавец. Эх, так мне досадно тогда стало, ведь совсем немного оставалось.

Андрей вздохнул. Взял в руки фотографию, повертел её, еще раз посмотрел на молодого, широко улыбающегося парнишку в военной форме.

— Эту карточку мне сделали еще в Нытве, когда я обучался. Перед отправкой на фронт нас тогда всех по очереди снимали, чтобы на память было. Тут я хорош, да? А теперь вот я такой, видите, — он показал на ноги, — и в деревне меня все зовут Лапоть. Из-за того, что одна нога. Но я не обижаюсь вовсе. Ведь можно и без ноги быть хорошим человеком, правда? — дядя взял в охапку племянников, крепко прижал их к себе.

— Дядя, а что дальше было с тобой? — высвободившись из объятий, спросил Алешка.

— А дальше, Леша, в четырёх госпиталях пришлось поваляться, да безуспешно: долго лечили мою ногу и в конце концов сказали: «Резать!» Я, конечно, переживал сильно, молодой ведь ещё, но что поделать, докторам виднее. Так вот и хожу с тех пор на деревяшке вот уже пятнадцать лет. Привык к ней, как родная она мне — и снова дядя улыбается...

Андрей Григорьевич Асмёткин, уроженец села Алишок Комаричского района, действительно никогда не унывал. У него была большая семья, детей любил, старался хоть иногда, но побаловать. Работа в его руках спорилась, хоть и хромал на деревяшке. Всю свою жизнь он трудился не покладая рук. Был бригадиром на колхозном баштане. Ловко управлялся с лошадью, без которой в те годы никак. С большой скромностью говорил, если приходилось, о своих наградах: Ордене Красной звезды и медали «За победу над Германией». Зато всегда говорил, что ни разу не пожалел о том, что однажды ночью тайком забрался в танк.

Умер Андрей Григорьевич в 1998 году, похоронен на тихом сельском кладбище. На его могиле несколько раз в году появляются свежие цветы, которые привозит Алексей.

Алексей вырос, теперь он Алексей Васильевич, уважаемый человек, многого добился в жизни, в звании генерала МВД вышел на пенсию. Но тот огонёк в его глазах до сих пор не погас. Он бережно хранит память о своём дяде, о герое войны и просто о хорошем человеке, которым восхищался, будучи десятилетним мальчишкой и на которого всегда хотел быть похожим. Каждый раз, приезжал в гости, Алексей рассказывает нам, теперешним его племянникам, про удивительного человека — Андрея Григорьевича Асмёткина. И эта история записана мною с его слов.

Личная память о войне как непридуманная правда и завещание будущим поколениям

Манекина Дарья Анатольевна, студент 1 курса государственного автономного профессионального образовательного учреждения «Брянский базовый медицинский колледж».

ПОБЕДИТЕЛЬ В КАТЕГОРИИ «ОБУЧАЮЩИЕСЯ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

преподаватель: *Тихонова Татьяна Сергеевна*

тематическое направление: «*Трагедия моей семьи в годы Великой Отечественной войны*»

жанр: художественно-документальный очерк

Мой прадед, Паркин Михаил Васильевич, прошёл всю войну — от тревожного, пропитанного запахом спелой ржи и страхом июня 1941-го до победного, цветущего сиренью мая 1945-го. На фронт он ушёл восемнадцатилетним пареньком из глубокого тылового села Поминки, даже не успев толком попрощаться с отцом-плотником, чьи сильные руки в последний раз пожали его ладонь так крепко, что кости хрустнули, и с матерью, которая, заломив руки в выцветшем платке, так и не заплакала при сыне, сохранив для него на прощание сухое, светящееся любовью лицо.

Эшелон увозил его не просто на войну — он увозил его из мира, где самым страшным звуком был гром, а самым горьким запахом — дым от печной трубы. Он стал связистом — это одна из самых опасных, невидимых профессий на фронте. От его работы, от натянутого, звонкого от напряжения кабеля, от умения под шквальным огнём найти, обрыв толщиной в волос,

зависели не абстрактные «сотни жизней», а конкретные жизни его роты, его батальона, его товарищей, которых он знал в лицо,

Он форсировал широкий, как море, Днепр поздней осенью 1943 года, когда вода была ледяной и кипела от разрывов мин и снарядов, а понтоны горели, освещая жутким заревом лица бойцов. Он выжил в огненном, сжигающем душу аду Сталинградской обороны, где земля превратилась в липкую, чёрную кашу из металла, крови и пепла, и получил там контузию, от которой до конца дней в непогоду в левом ухе стоял навязчивый, высокий звон, похожий на писк комара.

Он прошёл долгими, пыльными и грязными дорогами до Германии, но домой вернулся не сразу — ещё почти два года после Великой Победы его часть восстанавливала разрушенные линии связи на опалённой Украине, и его руки тянули провода уже над мирными, но всё ещё пустынными полями.

Но если бы вы попросили его рассказать о войне, он бы не начал повествования. Он тяжело вздохнул бы, отвел свои ясные, но ставшие почему-то очень далёкими глаза куда-то за окно, в сторону старой яблони, помолчал бы неприлично долго, будто перебирая в памяти не картинки, а ощущения — запахи, звуки, вкус страха на языке — и, наконец, выдохнул бы только одну; выстраданную до самого дна души фразу: «Лишь бы не было войны». И всё. Точка ни единого слова о медалях «За оборону Сталинграда» или «За боевые заслуги», ни об ордене Отечественной войны II степени, бережно хранящихся на бархатной подушечке в картонной коробке из-под папирос «Беломорканал» вместе с пожелтевшим портретом Сталина и несколькими гильзами-сувенирами. Ни одного батального, героического эпизода. Только эта ёмкая, всепоглощающая формула мира.

Долгое время мне, его правнучке, выросшей на пафосных фильмах и ярких книгах о подвигах, казалось, что он что-то намеренно скрывает. Что где-то о там, в потаённых, запёртых на ключ ящиках памяти, хранятся захватывающие, кинематографичные истории: о том, как он под ураганным миномётным огнём вплавь добирался до противоположного берега с

катушкой кабеля, зажатого в зубах; как восстанавливал связь в тридцатиградусный мороз голыми, примерзающими к металлу руками, как вытащил на себе раненого командира из-под обстрела.

Я тщетно искала отголоски этих историй в его немногочисленных пожелтевших фотографиях, где он, уже не мальчик, а мужчина с пронзительным, уставшим до глубины души взглядом, стоит с такими же уставшими товарищами на фоне изрешечённого пулями Рейхстага. Я вглядывалась в сухие строки справки о контузии, в выцветшие печати в потёртой, насквозь пропавшей потом и махоркой красноармейской книжке, где казённым языком были перечислены кровопролитные операции — «форсирование р. Днепр», «оборона г. Сталинград». Но это были лишь костяки событий, лишённые плоти и крови. Настоящая, живая, а потому особенно невыносимая и горькая правда открылась мне случайно, уже спустя много лет после его смерти, когда и мир вокруг стал другим, более шумным и менее ценившим тишину.

Разбирая на заброшенном чердаке старого бабушкиного дома тяжёлый, пахнущий нафталином и временем сундук, я нашла под стопкой домотканых рушников аккуратную пачку его писем с фронта, перевязанных грубой бечёвкой. Они не были длинными, литературными эпистолями, написанными для истории или потомков. Это были скупые, часто карандашные, иногда выведенные дрожащей от усталости или холода рукой строчки на обрывках бумаги, на оборотной стороне типографских бланков, на полях газеты

«Красная Звезда». И — это поразило меня больше всего — в них практически не было войны. В них была жизнь. Та самая, простая, хрупкая и прекрасная жизнь, которую он так яростно и отчаянно защищал каждый день, ползая под свинцовым ливнем с катушкой кабеля за спиной.

«Здравствуй, моя родная Ниночка. Стоим в обороне, Затисье. Сегодня у развалин кирхи увидел вишнёвый куст. Весь в цвету, представляешь? Белым-

бело, будто снегом припорошило. Пахнет... Пахнет точно так же, как наш сад в Поминках. Как там наши яблони, почки налились? Передавай родителям, чтобы не торопились с обрезкой, ещё заморозки могут быть...».

«Получил твоё письмо и носки. Спасибо, золотце моё. Ты пишешь, что Катюша (моя будущая бабушка) пошла. Не могу наглядеться на эту карточку, которую ты вложила. Днём и ночью ношу её в нагрудном кармане. Представляю, как она качается, как мишка косолапый. Крепко-крепко обнимаю вас мысленно, даже тепло какое-то чувствую...».

«Прошли с боями километров двадцать. Ноги как чугуны. Устали так, что спать хочется насмерть. Мечтаю доспать, как отгуляю, неделю не вставая. Как у вас с хлебом? Картошку мама посадила? Ты береги себя, не надрывайся, самое тяжелое на тебе...».

«Сегодня чудный рассвет. Тишина непривычная, даже пугает. Только соловей где-то в овраге заиграл, будто и не было вчерашнего боя. В такие минуты особенно верится, до дрожи в коленках, что всё это скоро кончится. Что я вернусь, и мы будем просто жить. Забор покосившийся поправлю, сарайчик новый сколочу, чтоб телятам тепло было ...».

Я читала эти строки, сидя на пыльных половицах чердака в луче солнечного света, где кружились мириады пылинок, и у меня в горле вставал тугой, горячий ком, а по щекам текли слёзы, которые я даже не сразу ощутила. Солдат, чья служба была отмечена наградами за мужество и стойкость, в этих строчках думал не о подвигах, не о тактике и не о ненависти к врагу. В них — запах вишни из родительского сада, смешные первые шаги дочки, усталость в костях до самого мозга и хрупкая, как первый рассветный луч, пробивающийся сквозь тучи, надежда. Его война, я поняла, была не про ненависть (хотя, наверное, и это горело где-то в глубине, в слепой ярости за разрушенные дома и за друзей, навсегда оставшихся лежать в сырой, чужой земле). Его война была про дикую, животную, всепоглощающую тоску. Тоску по мирному утру, по скрипу колодца во дворе, по шуму самовара на столе, по теплу руки жены Нины, по стуку отцовского топора, по простому хлебу, съеденному не наспех в окопе, а дома, с семьёй.

И тогда, в тот самый момент на чердаке, до меня дошёл весь сокрушительный, тихий ужас и вся мудрость его главной, единственной фразы. «Лишь бы не было войны», — это не просто бытовой штамп из советского прошлого, не общее место. Это — итог. Окончательный, бесповоротный и выстраданный каждой клеткой тела итог всего, что он видел и чувствовал: и ледяные воды Днепра, хлеставшие в лицо, и гул «катюш» > от которого земля содрогалась, и ледяные развалины Сталинграда, и долгую, изматывающую дорогу до Победы, где каждый километр был оплачен кровью. Это — завещание. Это — мольба, стон солдата, который на собственном опыте узнал истинную, абсолютную цену тишине после оглушительного грохота орудий, цену мирному

сну без кошмаров, цену куску домашнего, душистого хлеба на чистой, не трясущейся от взрывов скатерти. Он воевал, в конечном счёте, не за громкие лозунги на плакатах и не за абстрактные идеалы. Он сражался за право. Право видеть, как без помех и страха цветёт вишня за окном, и знать, что его маленькая Катюша спокойно сопит в колыбели, не вздрагивая во сне от далёкого гула.

После войны он вернулся домой другим. Не старым — ему не было и двадцати пяти, — но поседевшим в висках, с медлительными движениями и очень замкнутым, ушедшим в себя. Он не выносил салютов, вздрагивал от резкого стука дверью или упавшей крышки кастрюли и никогда не смотрел военные фильмы по телевизору. При первых же аккордах «Священной войны» или звуках стрельбы он либо молча уходил в другую комнату, либо, если было лето, выходил во двор — поправить забор, поковыряться в огороде, почистить сарай.

Работал он простым, но высококлассным монтёром связи в районном центре. Казалось, он продолжал свою фронтовую миссию, только теперь в мирных условиях: восстанавливал и налаживал связь, но уже не между штабами, а между людьми, сёлами, мирами. Его руками были подняты сотни телеграфных столбов, натянуты километры проводов, по которым текли не приказы, а новости о рождении детей, телеграммы от родных, деловые разговоры. Коллеги, многие из которых были моложе его, уважали его до беспрекословности. «Связь, которую тянул Паркин, это на века. Не порвётся», — говорили они.

Домой он возвращался физически усталый, пахнувший степным ветром, сосновой смолой и металлом, мыл руки большим куском хозяйственного мыла до скрипа и только тогда садился за стол, заглядывая в тёплые, понимающие глаза своей Ниночки, которая дождалась, сохранив дом и дочь.

Они прожили вместе больше пятидесяти лет, рука об руку, пережив и послевоенную разруху, м радости, и горести. Вырастили троих детей: мою бабушку Катю — ту самую, что «пошла» в войну, её брата-озорника Куприяна и младшего, послевоенного сына Толю.

Он был строгим, немногословным, но бесконечно добрым и надёжным отцом и дедом. Именно он, уже седой как лунь, научил меня, маленькую городскую девочку, различать голоса птиц в утреннем лесу, правильно прививать яблони (делая точный, уверенный срез) и чувствовать, когда будет дождь по запаху земли. Его руки, все иссечённые глубокими морщинами и старыми шрамами, умели невероятно нежно и бережно держать хрупкий саженец или поправлять сползший бант на моих косичках.

Умер он тихо, во сне, ранней весной, как раз когда зацвели его любимые, выхоженные им яблони-антоновки за окном. На похоронах не было военного оркестра и речей от властей — он не завещал. Были только родные, плачущие соседи, старые коллеги-связисты в простых рабочих куртках, которые на своих плечах несли его невесомый, как ему казалось в последние годы, гроб до самого кладбища. И самый старший из них, с орденскими планками на пиджаке, сказал, перекрывая соловья: «Ну вот, земля тебе пухом, Михаил Васильевич. Связь... оборвалась. Но свет в окошке твоего дома горит».

Теперь, когда я слышу это, увы, вновь и вновь обретающее жгучую,

кровавую актуальность вечное «Лить бы не было войны», я не просто механически киваю, соглашаясь с расхожей истиной. Я вижу. Я вижу за этими простыми словами того самого молодого парня в пропылённой и пропотевшей гимнастёрке, связиста, орденоносца, который где-то под Смоленском или в предместьях Берлина под обстрелом или в редкую минуту затишья, в вонючем от сырости и махорки блиндаже при тусклом свете коптилки из гильзы, выводил карандашом на клочке бумаги свои самые важные донесения: «Как там наши яблони?» Я вижу его седые виски, его спокойные, уставшие от памяти глаза, его натруженные, но честные руки. И я даю ему внутреннюю, тихую клятву — не громкими словами на митингах, а ежедневной памятью, вниманием к миру и пониманием сути вещей беречь. Беречь этот хрупкий, звенящий тишиной, прозрачный мир, ради которого он тосковал все четыре нескончаемых года и за который сражался, пройдя через все круги фронтового ада и вернувшись настоящим героем, который не желал говорить о войне. Потому что главное, самое важное, что он хотел донести до нас, своих потомков, он уже сказал, вложив в эту фразу всю свою жизнь, всю боль и всю надежду: «Лишь бы не было войны».

Вся его долгая жизнь после фронта и была медленным терпеливым воплощением этой молитвы — в выращенных и выученных детях, в протянутых между людьми километрах проводов, в шуме листьев в посаженном своими руками вишнёвом саду. И наша главная задача, долг перед ним и перед всеми, кто остался там, не просто помнить, а слышать этот тихий, настойчивый голос из прошлого, вняв его единственной просьбе.

Деревня, укрытая пеплом

Ермоченко София Александровна, студент 2 курса государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Брянский профессионально-педагогический колледж».

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «ОБУЧАЮЩИЕСЯ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

преподаватель: *Дунаева Ольга Григорьевна*

тематическое направление: «*Карательные операции, направленные на централизованное уничтожение мирного населения*»

жанр: *рассказ*

В деревне утро всегда начиналось со звуков жизни: скрипа колодезного журавля, далёкого мычания коров, чириканья синиц и звонкого лая дворовых собак. Из леса доносились редкие выстрелы, это местные охотники пытали удачу. Но в тот четверг все было иначе: подозрительная тишина окутала округу, небо было каким-то серым, от животных и птиц не было слышно ни единого звука.

Десятилетний Мишка проснулся не от солнечного луча, а от дождя, который бил по стеклу запотевшего окна. На его лице не было привычной улыбки, какое-то странное предчувствие не давало ему покоя. Шум дождя за окном стал затмеваться другим, не знакомым этой деревне звуком. Этот звук был не похож на шум трактора, гром тоже звучал совсем по-другому. Это был ритмичный, тяжёлый гул десятков моторов, который приближался со стороны шоссе. Мать мальчика стояла у окна, судорожно прижимая к груди кухонное полотенце. Её лицо, обычно румяное от печного жара, стало серым, как зола.

— Мишенька, подойди сюда... — прошептала она, не оборачиваясь. — Быстро. И не дыши. Что бы ты ни услышал, не издавай ни звука и не вылезай. Мальчик не зря беспокоился, он уже примерно понимал, что происходит, на его глаза навернулись слёзы. Мать силой запихнула сына в узкий лаз под досками пола, набросив сверху старый рогожный коврик. В щель между половицами Мишка видел только её босые пятки и край подола.

А потом мир взорвался, выстрелы не были похожи, на те, которые привык слышать Миша, они были частые и сопровождались отчаянными криками. Крики были настолько душераздирающими, что человеческими их было назвать трудно.

Это был не бой. Бой — это когда стреляют и те, и другие. Здесь же доносились только резкие, как удары хлыста, выкрики на чужом, непонятном

языке и сухой, деловитый треск автоматов. Это была не война в привычном понимании, а работа методичная, выверенная, лишённая гнева, а потому более страшная и жестокая. Карателей не трогали ни крики детей, ни плач женщин.

Мишка видел через щель, как в избу вошли кованые сапоги. Они не торопились. Хозяин сапог брезгливо отодвинул стул и громко звякнул крышкой котелка на столе. Послышался глухой удар — мать упала на колени. Она не просила пощады для себя, она что-то шептала, захлёбываясь в собственных слезах, но её слова перекрыл резкий крик на незнакомом для неё языке.

Людей выгоняли на центральную площадь. Мальчик слышал, как мимо дома вели соседей. Раздавался плач маленькой соседской девочки, крики старого Архипа, живущего на другой стороне улицы, который пытался понять, что происходит. Кто-то из односельчан сопротивлялся и пытался сбежать, но их сразу же догоняла быстрая свинцовая пуля.

Карательная операция — это безжалостная машина. У неё нет сердца, только шестерёнки. Солдаты действовали по чёткому плану: окружить, согнать, ликвидировать. Всё было централизованно. В штабах за сотни километров отсюда аккуратные люди в чистых мундирах уже отметили деревню на карте красным крестиком. Для них это был не населённый пункт с живыми людьми, а просто препятствие, которое мешало им двигаться дальше.

Через полчаса тишину прорезал новый звук: надрывный рёв запертых в большом колхозном амбаре людей. А затем потянуло сладковатым, удушливым дымом.

Мишка зажал ладонями рот. Он слышал, как по улице проехал грузовик с переговаривающимися и смеющимися солдатами. Для них уничтожение деревни было лишь досадным эпизодом в графике, очисткой территории от «нежелательного элемента». В этом хладнокровии и заключался самый глубокий ужас: убийство сотен женщин, стариков и детей было возведено в ранг бюрократической процедуры.

Когда гул моторов стих, а треск пламени превратился в глухое ворчание догорающих углей, мальчишка дрожащими руками отодвинул скрипящую половицу и начал медленно вылезать, попутно осматривая дом.

Деревни больше не было. Был только чёрный остов амбара, к небу тянулись синеватые струйки дыма — всё, что осталось от его семьи и друзей. Миша смотрел на деревню, в которой ещё совсем недавно кипела жизнь, его сердце сжалось от безнадёжного одиночества, невыносимой боли и пережитого ужаса.

На дороге валялась забытая кем-то из солдат пачка из-под сигарет. Яркая типографская краска на ней казалась кощунственной среди этого царства пепла. Мишка стоял посреди пепелища, маленький, чудом уцелевший свидетель того, как человеческая идеология, превращённая в приказ, способна стереть с лица Земли жизнь целой деревни за одно лишь утро.

В небе кружило вороньё. Солнце, наконец, пробилось сквозь дым, но оно не грело. В этот день мир узнал, что самое страшное зло — это не стихийное бедствие, а зло организованное, спланированное и исполненное с ледяным равнодушием профессиональных палачей.

Мишка повернулся и пошёл в сторону леса. За его спиной догорала история его рода, превращённая в пепел по чьему-то указу. И этот пепел теперь навсегда остался в его волосах, в его глазах и в его сердце.

Их расстреляли на рассвете...

Воронина Дарья Александровна, студент 1 курса государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Трубчевский политехнический техникум».

ПРИЗЁР В КАТЕГОРИИ «ОБУЧАЮЩИЕСЯ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

преподаватель: *Клюев Александр Викторович*

тематическое направление: «*Преступления против детства*»

жанр: *рассказ*

Особое мнение жюри

Жюри конкурса сочинений «Без срока давности», ознакомившись с работой Ворониной Дарьи Александровны, отмечает её высокую значимость и важность затронутых автором исторических событий. Особое внимание членов жюри привлекло обращение автора к трагическим событиям Великой Отечественной войны — массовому расстрелу воспитанников Трубчевского детского дома в 1942 году, ставшему одним из многочисленных преступлений нацистских оккупантов против мирного населения СССР.

Принимая во внимание отсутствие должной общественной памяти и увековечения памяти жертв этой трагедии (отсутствует памятный знак), жюри выражает глубокую обеспокоенность данным обстоятельством и настоятельно рекомендует направить данную работу на рассмотрение в местные и региональные органы власти, общественные организации и учреждения культуры с целью инициирования установки мемориального знака и проведения мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти и уважение к подвигу советских людей, пострадавших от фашистского террора.

Таким образом, работа заслуживает особого внимания и поддержки со стороны государственных и общественных структур, поскольку она способствует сохранению исторической правды и укреплению патриотического воспитания молодого поколения.

Пупанова О.Н., председатель жюри,
учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 52 г. Брянска.

Из подвала бывшего купеческого дома, в котором теперь разместился детский дом, доносился слабый писк. Ксаныч — завхоз детдома и Ваныч — сторож были людьми разными по возрасту и характеру, но объединенные бескорыстием, незлобливостью и любовью к спиртному, сами не захотели выяснять причину писка, а попросили ребят спуститься в подвал и поискать, возможно, щенков детдомовской овчарки Альфы. Ребята осторожно стали спускаться в подвал, лампа под потолком тускло освещала своды потолка, с которого свисала паутина и стену, свет лампы едва достигал стен из красного кирпича. Стена напротив лестницы, словно магнитом притягивала внимание спустившихся ребят. Точно на уровне их роста на проступающих из-под слоя старой побелки кирпичах были выбоины, источавшие влагу. В тишине и полумраке подвала задерживаться не хотелось и детдомовцы, не найдя щенков, поспешили наверх — к свету. Когда ребята обратились с расспросами к взрослым о следах в подвале, завхоз скупно ответил: «При немцах здесь детей стреляли». Большого в тот день юные обитатели детдома не добились от взрослых. На входную дверь подвала был повешен большой замок. Пройдут годы и бывший воспитанник, один из тех ребят, что спускались в подвал в поисках щенков, Николай Петрович Исаков, движимый нравственной потребностью, постарается пролить свет на трагические события, произошедшие первой военной зимой и оставившие следы на подвальной стене.

До начала Великой Отечественной войны в Трубчевске было два детских дома: Трубчевский школьный детский дом имени С.М. Кирова и Трубчевский детский дом инвалидов. С началом войны и по мере приближения врага хозяйство Трубчевского района подлежало эвакуации, в том числе и детские дома. Школьный детский дом имени С.М. Кирова был в спешке собран и эвакуирован в Пензенскую область, где и остался навсегда. Куда меньше повезло мальчишкам и девчонкам из второго детского дома. По плану их должны были эвакуировать в Тамбов, но, по разным причинам, в конечном пункте эвакуационного маршрута никого из Трубчевска так и не дождались. К концу августа германские войска приблизились к Трубчевску, вражеская авиация постоянно бомбила город и окрестности.

Гитлеровцы в составе 262-й пехотной дивизии вермахта вошли в Трубчевск 9 октября 1941 года. Для населения наступило тяжелое время оккупации, расправ, расстрелов. С конца 30-х годов сначала в Германии, а затем на всех оккупированных территориях идеологи германского нацизма распространяли и методично приводили в исполнение теорию о расовом превосходстве и уничтожении так называемых Untermensch. На территории Советского Союза ликвидации подлежали евреи без оглядки на пол и возраст, коммунисты, политработники РККА, граждане, сочувствующие советской власти, партизаны, цыгане, азиаты и прочие «подозрительные». Выполнение этой «работы» возлагалось на Айнзацгруппы (нем. Einsatzgruppen). Умственно отсталые дети детского дома, оставшиеся в городе, с приходом немцев были обречены.

Первые массовые расстрелы в Трубчевске начались уже в первые дни оккупации. В урочище Машаница на северной окраине города оккупанты из

числа Зондеркоманды устроили место казни, куда регулярно свозили или пригоняли пленных красноармейцев и местных жителей, обвиненных за связь с партизанами, евреев, членов семей офицеров, политработников и т.п.

С уходом немецких частей на Восток, вершить расправу над жителями продолжила трубчевская полиция, сформированная из предателей. Теперь, чтобы избежать огласки своих кровавых дел, местами казни в городе обычно избирались подвалы под бывшими купеческими особняками, где в годы оккупации размещались полиция и органы военной администрации немцев. Толстые кирпичные стены просторных подвалов со сводчатыми потолками заглушали крики и выстрелы. От тел, казненных палачи избавлялись по ночам, свозя их к прорубям на Десне.

Убогие сироты с приходом врага были большей частью предоставлены сами себе. Ребят, что были поздоровее, разобрали жители ближайших деревень в качестве работников. Местные жители часто видели оставшихся в городе детдомовцев на базарной площади — «Шохве», где дети пытались найти себе пропитание. Детдомовская нянечка — баба Федя, как называли ее воспитанники, осталась при детдоме и продолжала опекать и кормить «божьих деток», как называла она слабых умом воспитанников детского дома у Сретенской церкви, а они, лишенные родительской любви, измученные голодом, постоянно терпящие побои от смотрительниц, переползали под защиту бабы Феде. Уходя на фронт, учитель лечебной физкультуры Троянов подарил одному из сирот газетную вырезку с плакатом «Родина — мать зовет!», сказав: «Вот какая у тебя мама. Тебя она искала, а меня нашла». В канун Нового 1942 года детдомовцы сделали вылазку за дровами к бане, где парились бургомистр Павлов, немецкий полковник и начальник местной полиции Мельников. Немецкий полковник негодовал, что к его персоне так близко смогли подкрасться партизаны. Павлов и Мельников быстро сообразили, что дрова стащили постояльцы детдома, который был в ста метрах от бани. Вскоре в зале детского дома уже пересчитывали по головам убогих сирот. Желая выслужиться перед высоким гостем, бургомистр Павлов напомнил о великой роли Германии в «очищении» планеты от «неполноценных». Баба Федя пыталась защитить ребят, взывая к милосердию: «Это же дети, разве можно их казнить!», но Павлов посоветовал устроить ей самой скорую встречу с Богом, если она будет вмешиваться. Когда начальник полиции, как щенка одной рукой внес в зал мальчика-сироту, держа в другой руке газетный листок с плакатом «Родина-мать зовет!», судьба обитателей детского дома была решена. Все свершилось после Нового года и Рождества.

В статье «Скоро придут наши» газеты «Партизанская правда» партизанский корреспондент Василий Росляков написал о событиях, случившихся в январе 1942 года: «Ночь окутывает Трубчевск. Но фашисты не прекращают черных дел. Из гестаповского застенка вырываются сдавленные крики и стоны русских людей, подвергнутых пыткам и издевательствам. В такую ночь гитлеровцы налетели на детский дом для умственно отсталых детей, где находилось до 60 ребят, забрали детей и в сарае зверски перестреляли».

Уже после освобождения Брянщины от немецко-фашистских оккупантов,

сотрудниками следственных органов проводились опросы свидетелей злодеяний, совершенных Зондеркомандой и немецкими приспешниками. Так специальной комиссией 6 июля 1944 года был составлен акт о совершенных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Трубчевске в период оккупации: «В январе месяце 1942 года в детдоме умственно отсталых детей, находящемся по улице Сталина №118, произведен расстрел умственно отсталых детей в количестве 45 человек. Трупы убитых детей были спущены под лед в реку Десну. Расстрел производился по приказу немецкого военного коменданта г. Трубчевска Фон Виннинга». [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 19. Д. 6. Л. 10] 7 июля 1944 года был составлен протокол опроса повара детского дома Жаковой Кристины Ивановны, в котором она показала: «Что я как работник Трубчевского детского дома умственно отсталых в течение 7 лет на должности повар, вовремя пребывания немцев у нас в детском доме было 73 человек детей в это время уже при немцах я работала до 1 апреля 1942 года. Я лично сама знаю, что дети в количестве 18 человек умерли с голода и холода в январе 1942 года и этих людей хоронили на кладбище вырыли яму и бросали без гробов в эту яму. Немцами в феврале 1942 года, расстреляли в этом же доме умственно отсталых в количестве 24 человека. Малышей расстрел проводился в свинарнике в этом же доме. В этом же доме, т. е. через некоторое время в этом же доме расстреливали более взрослых в количестве 21 человек этих людей уже расстреливали в подвале в этом же доме, что и подтверждаю». [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 19. Д. 6. Л. 11] Брянская областная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в городе Трубчевске и районе 22 октября 1945 года установила, что «По прибытию в г. Трубчевск немецкого коменданта Фон-Виннинга началось массовое истребление советских граждан — женщин, стариков и детей. В январе 1942 г. Фон-Виннинг приказал расстрелять в Трубчевском детдоме 63-х детей. Трупы детей немецкие солдаты опустили под лед р. Десны...». [ГАБО. Ф.6 Оп.1. Д.54. Ч.1. Л.24.]

Десна стала последним приютом для ребят из Трубчевского детского дома. Они были казнены в первую военную зиму и сброшены в речную прорубь.

Еще одним местом массовых казней мирных граждан, в том числе и детей, в Трубчевске стала территория бывшей царской тюрьмы и руин Свято-Никольского храма, где в церковном хоре начинала петь Анастасия Вальцева, уже в довоенное время там размещалась психиатрическая больница. Расстрел происходил за больничным кирпичным забором. Жертв по очереди подводили к люку подземного водостока и производили выстрел из пистолета в затылок, затем тело сбрасывали в жерло водостока, и оно быстро исчезало в бурном потоке, резко изливающимся в Десну с высоты.

Идеология немецкого нацизма породила колоссальное количество преступлений против человечества, особенно против детства. Маленькие граждане планеты во всех военных конфликтах становятся не только невольными свидетелями страшных событий, но и участниками, вставая на защиту своего Отечества, а зачастую они становятся жертвами.

Сегодня нацизм снова поднимает свою голову, и его последователи идут теми же путями, сея разруху, неся смерть.

5 мая 2015 года был открыт мемориальный комплекс в память о детях, погибших в ходе войны в Донбассе — «Аллея ангелов». Трубчевским детям, замученным и погибшим в годы немецко-фашистской оккупации, не установлены памятники, не повешены мемориальные доски. Время не сохранило даже имен детей с душой чистой от рождения и особым мироощущением. И мы, ныне живущие, должны помнить и детям своим рассказать о событиях страшных прошлого, чтоб запомнили!

Детям детей рассказать о них, чтобы тоже запомнили, о тех, кто уже не придет никогда!

Несовместимы дети и война.

Работы
победителей и призеров
Всероссийского конкурса сочинений
«Без срока давности – 2026».
Брянская область:
Сборник

Автор-составитель:
*Макушкина Евгения Ивановна, старший преподаватель
кафедры гуманитарного образования
ГАУ ДПО «БИПКРО»;*

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 15.05.2026. Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,67. Тираж 500 экз. Заказ № 10.

Отпечатано с готового оригинал-макета в региональном информационно-библиотечном центре
государственного автономного учреждения дополнительного профессионального образования
«Брянский институт повышения квалификации работников образования»
241022, г. Брянск, ул. Димитрова, стр. 112Б

